

ISSN: 2541-9676

ВЕСТНИК

Кабардино-Балкарского
государственного
университета
им. Х.М. Бербекова
Серия: право, экономика
№4 (8) 2018 г.

- *Энциклопедия современных ученых КБР – Мисроков З.Х.*
- *Классика юридической науки*
- *Научные статьи, рецензии, эссе*
- *События и мероприятия*

**МИНИСТЕРСТВО ОБРАЗОВАНИЯ
И НАУКИ РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ**

**ВЕСТНИК
КАБАРДИНО-БАЛКАРСКОГО
ГОСУДАРСТВЕННОГО УНИВЕРСИТЕТА
ИМ. Х.М. БЕРБЕКОВА.
СЕРИЯ: ПРАВО, ЭКОНОМИКА**

Научно-практическое издание

**Основан в 2017 году
Выходит 4 раза в год**

№ 4 (8) 2018

**VESTNIK
KABARDINO-BALKARIAN STATE UNIVERSITY
NAMED AFTER H.M. BERBEKOV.
SERIES: LAW, ECONOMICS**

**Founded in 2017
Published 4 times a year**

№ 4 (8) 2018

**Кабардино-Балкарский государственный университет им. Х.М. Бербекова
НАЛЬЧИК 2018**

Учредитель
ФГБОУ ВО «Кабардино-Балкарский государственный университет им. Х.М. Бербекова»

Адрес редакции и издателя:
360004, КБР,
г. Нальчик,
ул. Чернышевского, 173.
Издатель:
ФГБОУ ВО «Кабардино-Балкарский государственный университет им. Х.М. Бербекова».

E-mail:
vestnik_kbgu@mail.ru.

Индексируется в базе
данных РИНЦ

Зарегистрирован
в национальном
агентстве ISSN Российской
Федерации. Изда-
нию присвоен номер
ISSN: 2541-9676

Выходит 4 раза в год
Распространяется бес-
платно

Научно-практическое
издание

Издание
зарегистрировано
Федеральной службой
по надзору в сфере
связи, информационных
технологий и массовых
коммуникаций по
Кабардино-Балкарской
республике

**Свидетельство ПИ
№ТУ 07-00122 от
27 декабря 2017 г.**

Подписано в печать
10.12.2018
Дата выхода в свет:
20.12.2018
Формат 60x84/8.
Усл.печ.л. 5,11
Гарнитура Ариал.
Печать офсетная.
Тираж 1000 экз.
Заказ № 184

Отпечатано
в отделении
полиграфической
оперативной печати
«Принт-центр»
– Нальчик
360015 г. Нальчик,
улица Братьев
Кушховых, 79 "А"

**ВЕСТНИК
КАБАРДИНО-БАЛКАРСКОГО
ГОСУДАРСТВЕННОГО УНИВЕРСИТЕТА
ИМ. Х.М. БЕРБЕКОВА**

СЕРИЯ: ПРАВО, ЭКОНОМИКА

Основан в 2017 году

Выходит 4 раза в год

№ 4 (8) 2018

РЕДАКЦИОННАЯ КОЛЛЕГИЯ

Главный редактор

Маремкулов Арсен Нажмудинович – д.ю.н., профессор кафедры теории и истории государства и права, Заслуженный юрист КБР.

Научный редактор

Казгериева Эмма Викторовна – к.ю.н., доцент кафедры теории и истории государства и права

Члены редакционной коллегии

Аликаева Мадина Валентиновна – д.э.н., профессор кафедры экономики и финансов института права, экономики и финансов КБГУ;

Гончаров Игорь Владимирович – д.ю.н., заведующий кафедрой государственного строительства и права Академии Генеральной прокуратуры РФ.

Гукешоков Мурат Хасанбиевич – к.ю.н., доцент, директор института права, экономики и финансов КБГУ, Заслуженный юрист КБР;

Долова Анжела Заурбиена – д.ю.н., профессор кафедры трудового и предпринимательского права института права, экономики и финансов КБГУ;

Дышеков Мурат Владимирович – к.ист.н., доцент, заведующий кафедрой теории и истории государства и права института права, экономики и финансов КБГУ;

Жамбекова Розита Лютовна – д.э.н., профессор кафедры бухгалтерского учета, анализа и аудита института права, экономики и финансов КБГУ;

Жанказиев Анзор Хасанбиевич – д.э.н., профессор кафедры экономики и финансов института права, экономики и финансов КБГУ;

Исаков Николай Васильевич – д.ю.н., профессор кафедры международных отношений, мировой экономики и международного права Пятигорского государственного лингвистического университета;

Кетов Юрий Махсидович – д.ю.н., профессор, Заслуженный юрист РФ;

Куршаева Фатима Мухтаровна – д.э.н., профессор кафедры бухгалтерского учета, анализа и аудита института права, экономики и финансов КБГУ;

Мамбетова Фуза Магомедовна – д.э.н., профессор кафедры бухгалтерского учета, анализа и аудита института права, экономики и финансов КБГУ;

Машукова Елена Малильевна – к.ю.н., доцент кафедры трудового и предпринимательского права института права, экономики и финансов КБГУ;

Мирзоева Жанна Мухарбиевна – к.э.н., доцент кафедры бухгалтерского учета, анализа и аудита института права, экономики и финансов КБГУ;

Мисроков Замир Хасанович – д.ю.н., профессор кафедры теории и истории государства и права института права, экономики и финансов КБГУ, Заслуженный юрист КБР;

Мустафаева Земфира Амаевна – д.э.н., профессор кафедры менеджмента и маркетинга института права, экономики и финансов КБГУ;

Нагоев Алим Бесланович – д.э.н., профессор кафедры менеджмента и маркетинга института права, экономики и финансов КБГУ;

Працко Геннадий Святославович – д.фил.н., д.ю.н., профессор кафедры теории и истории государства и права институт права, экономики и финансов КБГУ;

Радько Тимофей Николаевич – д.ю.н., профессор кафедры теории права Московской государственной юридической академии им. О.Е. Кутафина

Татуев Арсен Азидович – д.э.н., профессор кафедры конституционного и административного права института права, экономики и финансов КБГУ;

Хабачиров Муаед Лялюевич – к.ю.н., доцент кафедры теории и истории государства и права института права, экономики и финансов КБГ, Заслуженный юрист КБР;

Шидов Андемиркан Хачимович – д.э.н., профессор, заведующий кафедрой бухгалтерского учета, анализа и аудита института права, экономики и финансов КБГУ, Заслуженный деятель науки КБР.

СОДЕРЖАНИЕ

ЭНЦИКЛОПЕДИЯ СОВРЕМЕННЫХ УЧЕНЫХ КБР

Современные ученые КБР – Мисроков Замир Хасанович	4	Modern scientists of the KBR – Misrokov Zamir Khasanovich
--	---	--

КЛАССИКА ЮРИДИЧЕСКОЙ НАУКИ

Радько Т.Н. К вопросу о теоретическом понимании идеологической функции права	7	Radko T.N. On the theoretical understanding of the ideological function of law
--	---	---

НАУЧНЫЕ СТАТЬИ

Працко Г.С. Право в контексте порядка общества	12	Pratsko G.S. Right in the context of the society
Маремкулов А.Н. Преамбула нормативных правовых актов как важнейший элемент юридической технологии	17	Maremkulov A.N. Preamble of normative legal acts as an essential element of legal technology
Шумилина А.Б., Артюхин О.А. Институт президентской власти: особенности становления на постсоветском пространстве	20	Shumilina A.B., Artyukhin O.A. Institute of presidential power: the peculiarities of formation in the post-soviet space
Хачеритлов М.Ж. Традиционные институты самоуправления в этнокультуре кабардинцев	25	Hacheritlov M.J. Traditional institutions of self-government in the ethnic culture of Kabardians
Казгериева Э.М. Субъектный состав отношений России и Крымского ханства в XVIII в., закрепленный межгосударственными договорами	29	Kazgerieva E.V. Political and legal relations between Russia and the Crimean khanate in XVIII
Багов А.М. Организационно-правовая форма государственных и муниципальных унитарных предприятий	37	Bagov A.M. Organizational and legal form of state and municipal unitary enterprises

Трибуна молодого ученого

Алокова М.Х. Современные проблемы методологии исследования функций государства ...	41	Alokova M.H. Methodological approaches to the study of state functions
---	----	---

СОБЫТИЯ И МЕРОПРИЯТИЯ

Казгериева Э.В. Отчет о Всероссийском круглом столе, посвященном проблеме Крыма в истории государства и права России (к 235-летию присоединения полуострова к Российской империи), проведенном в Российском государственном университете правосудия	45	Kazgerieva E.V. Report on the all-russian round table dedicated to the problem of the crimea in the history of the state and the rights of russia (to the 235-th anniversary of the adjustment of the peninsula to the russian empire), conducted at the russian state university of justice
--	----	---

ЭНЦИКЛОПЕДИЯ СОВРЕМЕННЫХ УЧЕНЫХ КБР

СОВРЕМЕННЫЕ УЧЕНЫЕ КБР – МИСРОКОВ ЗАМИР ХАСАНОВИЧ

MODERN SCIENTISTS OF THE KBR – MISROKOV ZAMIR KHASANOVICH

Мисроков Замир Хасанович, доктор юридических наук, Заслуженный юрист Кабардино-Балкарской Республики, родился 28.10.1952 г.р.

Окончил факультет романо-германской филологии (английский язык) Кабардино-Балкарского государственного университета, 1970–1975 гг. – студент юридического факультета МГУ им. М.В. Ломоносова; 1975–1978 гг. – аспирант юридического факультета МГУ им. М.В. Ломоносова. 1979–1982 гг. – юрисконсульт завода им. Ухтомского, Московская область, г. Люберцы;

1980–1982 гг. – преподаватель кафедры государственно-правовых дисциплин МФЮЗО при Академии МВД СССР;

1982–2005 гг. – старший помощник прокурора района, старший помощник прокурора Кабардино-Балкарской Республики;

2005 г. – по настоящее время – судья Конституционного Суда Кабардино-Балкарской Республики.

Решением Высшей аттестационной комиссии Министерства образования и науки Российской Федерации от 18.07.2003 года З.Х. Мисрокову присуждена степень доктора юридических наук.

З.Х. Мисроков является автором двух монографий и более 40 научных работ по теории и истории права и государства, конституционному праву:

Основные юридические отношения в адатском праве // Северо-кавказский юридический вестник. – Ростов-на-Дону, 2001. – № 4. – С. 88–103;

Адат и Шариат в российской правовой системе. Исторические судьбы юридического плюрализма на Северном Кавказе / З.Х. Мисроков. – М.: МГУ, 2002. – 256 с.;

Проблема правового пространства ислама в процессах развития государственности России (XIX–начало XXI в.) // Закон и право. – М.: ЮНИТИ-ДАНА, 2002. – № 10. – С. 62–65;

Феномен правового плюрализма на Северном Кавказе как результат конвергенции адата, шариата и права России (XIX–начало XXI в.) // Закон и право. – М.: ЮНИТИ-ДАНА, 2002. – № 9. – С. 43–46;

Проблема официального и неформального полиюридизма на Северном Кавказе: истоки и природа (XIX–начало XXI вв.) // История государства и права. – М.: Юрист, 2002. – № 4. – С. 15–18;

Конвергенция адата, шариата и права России в процессах динамики отечественных систем права (XIX–начала XXI века) // История государства и права. – М.: Юрист, 2002. – № 5. – С. 27–31;

Феномен адатского и мусульманского права народов Северного Кавказа в процессах трансформации российской государственности (XIX–начало XXI вв.) // Государство и право. – М.: Наука, 2002. – № 11. – С. 110–115;

Проблема шариата в системах права России // Современное право. – М.: Новый Индекс, 2002. – № 10. – С. 38–42;

Феномен мусульманского права в процессах динамики систем права России (XIX–начало XXI века) // Журнал российского права. – М.: Норма, 2002. – № 10. – С. 153–158;

Современные проблемы трансформации прокуратуры и неформальное право на Северном Кавказе // Ученые труды российской академии адвокатуры. – М.: Российская Академия адвокатуры, 2003. Вып. 3. – С. 264–271;

Исторические судьбы мусульманского права на Северном Кавказе в процессах динамики рос-

сийских правовых систем (XIX–начало XXI вв.): Мусульманское право в мире и России (Северный Кавказ, Поволжье) // Ислам и право в России: материалы научно-практического семинара, февраль 2003. – М.: РУДН, 2004. – Вып. 2. – С. 53–62;

Теоретические проблемы «поиска» и «отыскания» права в процессе судебного нормотворчества // Правовая политика и правовая жизнь. – М.; Саратов, 2008. – № 2. – С. 78–82;

Исторические традиции как конституционная категория: вопросы институционализации в контексте местного самоуправления // Актуальные проблемы теории и практики конституционного судопроизводства: сборник научных трудов. – Казань: ООО «Офсет-сервис», 2013. – Вып. VIII. – С. 313–318 и др.

Тема кандидатской диссертации: «Адатские и шариатские суды в автономии Северного Кавказа»: дис. ... канд. юрид. наук: 12.00.01 / З.Х. Мисроков. – М., 1979. – 200 с.

Тема докторской диссертации: «Адатское и мусульманское право народов Северного Кавказа в российских правовых системах (XIX–XX вв.)»: дис. ... докт. юрид. наук: 12.00.01 / З.Х. Мисроков. – М., 2003. – 328 с.

З.Х. Мисроков является соавтором учебника по конституционному праву Кабардино-Балкарской Республики. Являясь профессором кафедры теории государства и права юридического факультета Кабардино-Балкарского госуниверситета, ведет научно-исследовательскую работу также в области европейского и международного частного права.

Указом Президента Кабардино-Балкарской Республики от 12 января 2007 года З.Х. Мисрокову присвоено почетное звание «Заслуженный юрист Кабардино-Балкарской Республики».

З.Х. Мисроков – член Квалификационной коллегии судей Кабардино-Балкарской Республики; эксперт Ассоциации юридического образования России; действительный член Адыгской международной академии наук; академик-секретарь отделения общественных наук; член редколлегии журнала «Юридический вестник Дагестанского государственного университета».

Область научных интересов: история права, сравнительное правоведение, мусульманское право, международное частное право, конституционное право.

КЛАССИКА ЮРИДИЧЕСКОЙ НАУКИ

Радько Тимофей Николаевич, доктор юридических наук, профессор. Родился 16.10.1937 в селе Кирово, Алтайский район, ХАО. Окончил Томский государственный университет (1964), аспирантуру Саратовского юридического института (1967). В системе учебных заведений Министерства внутренних дел (МВД) прошел путь от преподавателя до начальника главного управления учебных и научных учреждений МВД. Заместитель министра юстиции России (1993–1996). Депутат Государственной Думы Российской Федерации второго созыва.

Советник Председателя Государственной Думы по правовым вопросам (1996–1999). Является соавтором учебников по теории государства и права под редакцией В.В. Лазарева и В.К. Бабаева и трехтомного академического курса «Актуальные проблемы теории государства и права» (2000). Ректор Академии права и управления в г. Москве (2003). Внёс значительный вклад в становление и развитие юридического образования.

К ВОПРОСУ О ТЕОРЕТИЧЕСКОМ ПОНИМАНИИ ИДЕОЛОГИЧЕСКОЙ ФУНКЦИИ ПРАВА

Радько Т.Н.

*д.ю.н., профессор кафедры теории права и государства
Московской государственной юридической академии им. О.Е. Кутафина*

В работе анализируется идеологическая функция права; аргументируется, что данная функция является отражением правом определенной идеологии конкретного общества; обосновывается, что данную функцию следует рассматривать в рамках способности права осуществлять внешнее воздействие, т.е. отнести ее к внешним функциям права.

Ключевые слова: идеологическая функция, функция государства, общегосударственная идеология.

ON THE THEORETICAL UNDERSTANDING OF THE IDEOLOGICAL FUNCTION OF LAW

Radko T.N.

*D. Yu.N., Professor of the Department of theory of Law and State
of the Moscow State Law Academy. After O. E. Kutafin*

The paper analyzes the ideological function of law, argues that this function is a reflection of the right of a particular ideology of a particular society; it is proved that this function should be considered within the framework of the ability of the law to exercise external influence, i.e. to refer it to the external functions of law.

Keywords: ideological function, function of the state, national ideology

Опыт развития российского общества свидетельствует, что ему чужды как тотальная идеологизация всей его жизни (СССР), так и отсутствие какой-либо идеологии вообще. События 90-х гг. XX – первого десятилетия XXI вв. показывают, что отсутствие общегосударственной идеологии ведет к расколу российского общества на самые различные (вплоть до противоречивых) группы, претендующие на лидирующие роли в обществе.

Российское государство очень робко заявляет о необходимости формирования общегосударственной идеологии, а это ведет к отсутствию четких ориентиров в политике, воспитании, законотворчестве и т.п.

Дело в том, что в конце XX–начале XXI вв. государственная идеология в России с подачи некоторых западных идеологов стала рассматриваться только как негативное явление. При этом негативный подход к идеологии связывался не только с коммунистической идеологией. Проблема ставилась шире. Предлагался рецепт, согласно которому идеология и право – это несовместимые явления. Право должно быть свободно

от идеологии, иначе оно, действуя в ее рамках, становится ущербным, не соответствующим интересам человека и гражданина. Здесь, пожалуй, верно одно. Если идеология сама по себе ущербна, то она действительно оказывает негативное влияние на право. Но если она прогрессивна, демократична, отражает насущные интересы людей, то она будет способствовать становлению и развитию права прогрессивного, демократического, закрепляющего подлинные права и свободы человека.

Позиция, согласно которой право должно быть свободно от идеологии, подкреплялась примерами из советского прошлого, которое действительно было слишком идеологизировано. Соглашаясь с подобной оценкой (о чрезмерности идеологизации советского периода в нашей истории), нельзя не заметить, что не следует впадать в другую крайность – отрицать значение идеологии для права вообще, не видеть ничего позитивного в том периоде российской истории и умышленно девальвировать многие из ценностей, сформировавшихся тогда – общедоступ-

ность в сфере труда, культуры, образования, реальность медицинского и пенсионного обеспечения, личную безопасность, отсутствие той бездуховности, которая наблюдается в российском обществе сегодня, и т.д.

Поэтому положение Конституции РФ 1993 г. о том, что никакая идеология не может быть государственной, нельзя отнести к ее достоинствам, поскольку оно противоречит истории Российского государства, всегда имевшей собственную духовную (идеологическую) силу. Не случайно «антиидеологические» позиции усилились после принятия конституции, официально закрепившей деидеологизацию общества, в результате чего роль государственной идеологии в России была сведена к нулю. Поэтому в настоящее время российское общество не имеет четких идеологических ориентиров, оно социально аморфно и дезориентировано. Данное состояние – результат фактического прекращения осуществления государством идеологической функции с одновременным проникновением в российскую среду ценностей, сформулированных в иной духовной и политико-правовой культуре.

Вместе с тем фактор влияния права на сознание, мысли и чувства людей не подвергается сомнению ни одним из серьезных исследователей социальной роли права. Право воздействует на духовную жизнь общества. Оно само выступает духовным явлением и представляет собой «форму духовного освоения мира». Разумеется, право лежит в иной системе координат, нежели идеология, но тем не менее оно представляет собой идеологический фактор. И у нас имеются все основания утверждать, что право осуществляет идеологическую функцию.

Идеологическая функция всегда занимала важное место в системе функций права. Она предопределяется его сущностью и существует объективно как результат его действия в современном обществе, особенно в условиях поиска новой парадигмы понимания права и его роли в современном обществе, в условиях противоречивых оценок права, исходящих от различных идеологических и политических сил.

Право – регулятор общественных отношений. Ему присуща прежде всего регулятивная и охранительная функции. Осуществляя же идеологическую функцию, право как бы решает «сверхзадачу», становится инструментом идеологии, т.е. принимает на себя определенную часть социальной нагрузки, которую должны нести другие надстроечные феномены. В юридической литературе правильно отмечалось, что

право как система принципов и норм не является элементом формы общественного сознания, его не следует отождествлять с какой-либо из уже известных форм общественного сознания, в т.ч. и правосознанием.

Тем не менее право интеллектуально по своему содержанию, неразрывно связано с общественным сознанием. С.С. Алексеев верно говорил, что для понимания идеологической роли права существенно важно, что оно выступает в качестве средства, отражающего и выражающего духовную жизнь общества, т.е. в качестве носителя его духовных, культурных и моральных ценностей [1]. Процесс развития современных обществ показывает, что роль права в решении идеологических задач постепенно возрастает. Постановка вопроса об идеологической функции права имеет целью подчеркнуть его более широкие социальные возможности, его большую социальную ценность.

Идеологическая функция относится к числу социально-политических функций права. Ее осуществление правом наиболее очевидно в случаях его подключения к решению воспитательных задач, связанных не только с укреплением правосознания, но и других форм общественного сознания (политического, нравственного). Выделение ее в качестве самостоятельной иногда объясняется в юридической литературе необходимостью правового регулирования культурно-воспитательной деятельности государства. Однако такое объяснение представляется не совсем точным. Реализация идеологической функции значительно шире, ее наличие предопределяется многими причинами, среди которых обслуживание правом культуры, науки, образования стоит далеко не на первом месте. Анализ социальной роли права показывает, что выполнение им идеологической функции связано с отражением им идеологии властвующих политических сил, с превращением права в объект идеологической борьбы, с возможностью права внедрять идеи определенных социальных сил в сознание людей, активно и целенаправленно влиять на их социально-политическую ориентацию.

Одна из главных предпосылок возникновения у права идеологической функции обусловлена соответствием правовых предписаний идеологии стоящих у власти политических сил, способностью права вбирать в себя систему определенных идей. При этом право не становится простым вместилищем любой идеологии, а отражает прежде всего идеи господствующего класса,

мысли которого «являются в каждую эпоху господствующими мыслями».

Право становится более влиятельным идеологическим фактором, начиная с конца XVIII в. Этому способствуют первые относительно демократические конституции США, Франции конца XVIII в., которые отразили передовую для того времени буржуазно-демократическую идеологию, содержащую важные положения о разделении властей, о правах человека и т.д. В современных условиях право демократических государств превратилось в мощный идеологический фактор, стало активнее воздействовать на социально-политическую жизнь общества.

Тот факт, что в век научно-технической революции в праве увеличивается число норм технико-юридического порядка (в известной степени безразличных к идеологии), не означает уменьшения его идеологической функции. Приоритет права в решении важнейших проблем общественной жизни, его гуманизм, глубокая нравственная основа постоянно увеличивают его значение в системе других социальных регуляторов, что имеет огромную идеологическую ценность в условиях сосуществования различных культур и социально-политических систем. Кроме того, развитие средств информации, возрастание культурного обмена между странами, наличие развивающихся государств, определяющих свою историческую перспективу, превращают право в объект пристального внимания и глубокого анализа со стороны самых различных политических сил, что, безусловно, накладывает на него дополнительную идеологическую нагрузку.

Поэтому процесс идеологизации права в противоположность стремлениям его деидеологизации в современном мире неизбежно нарастает. Идеология как система идей, выражающих интересы и потребности определенного политического класса, воздействует на сознание людей, мобилизует (или демобилизует) их социальную деятельность.

Т. Парсонс правильно сказал, что идеология – это политическая религия. Она активно влияет на все сферы общественной жизни, проникая в политику, право, мораль, искусство и т.д. [2]. Средствами идеологии и в рамках идеологии нередко создаются нормативные, ценностные представления общества, различного рода идеалы, принципы, цели, определяются задачи. Идеологические оценки и критерии неизбежно проникают в право, становятся его органической частью, составным элементом содержания.

Современная идеологическая борьба, существующая открыто или скрыто, в конкретных вопросах выливается и в борьбу за политическую и правовую ориентацию людей, за формирование у них соответствующих политических и правовых идеалов. В этой связи наличие у права идеологической функции совершенно очевидно.

Отдельные представители науки и политики стремятся разорвать право и идеологию, пытаются доказать их несовместимость. А если кто-либо и обнаруживает проникновение идеологии в право, то усматривает в этом «засорение» права, требует его деидеологизации. Подобные утверждения порождены в отдельных случаях непониманием глубинной, объективной взаимосвязи права и идеологии, которые создаются в соответствии с интересами и волей господствующих политических сил. Право каждого исторического типа создается, изменяется и развивается в силу экономических и политических причин, а также в результате реализации идеологических воззрений пришедших к власти политических сил. Эти факты исторически бесспорны и легко подтверждаются ретроспективным анализом.

Отражение правом идеологии господствующего класса в эксплуататорских обществах довольно отчетливо прослеживается в классовом содержании правовых норм, которые, выражая волю господствующего класса, отражают и его идеологические позиции. Именно для более успешного достижения политических интересов сложилась практика идеологического усиления важнейших правовых актов путем включения в них различного рода преамбул, вводных статей. Принятие многих законодательных актов сопровождается иногда опубликованием ширококонтентных заявлений и деклараций.

В других, более распространенных случаях требование деидеологизации права не более чем заблуждение, стремление создать идеальное, чистое право вне времени и пространства. Но такого не бывает. Право, как и истина, всегда конкретно. Идеальным оно может быть только в теории. Нормативность права, его общеобязательный характер делают всеобщими те идеологические положения, которые получили отражение в праве.

Так, идеологическая функция советского права была одной из самых заметных и достаточно эффективных с первых лет существования советского государства. Исторической обстановкой того времени она была выдвинута на одно из первых мест в системе функций права.

На содержание идеологической функции права существенное влияние оказывают полити-

ческие, экономические, нравственные и другие социальные факторы, которые в единстве определяют идеологическую направленность правовых норм. Эти факторы получают затем концентрированное выражение в руководящих идеях (принципах) права. Принципы, как известно, играют решающую роль в формировании и действии права. Важно, однако, подчеркнуть, что принцип – категория идеологическая, каждый из принципов права неразрывно связан с идеологией, служит составной частью идеологического фундамента права, отражает основополагающие идеологические установки тех политических сил, волю которых выражает право. В принципах содержатся важнейшие идейные начала, лежащие в основе права. Поэтому принципы служат одной из предпосылок наличия у права идеологической функции, они вместе с правом в целом осуществляют идеологическую функцию.

Нельзя не отметить, что в структуре идеологической функции особое место принадлежит нормам Конституции, закрепляющим реальное соотношение политических сил, наиболее существенные черты политической системы общества, основные права, свободы и обязанности граждан, порядок образования и принципы деятельности государственных органов, общественных организаций и т.д.

Идеологическая сила демократических конституций, их целеустремленное воздействие на сознание людей обусловлены также тем, что положения отражают законы общественного развития, закрепляют на высшем законодательном уровне сущность и цели демократического государства. Изучение конституций способствует укреплению правосознания, расширению правовой и политической культур, углублению знаний о государстве, его истории, территориальной организации, перспективах развития. Поэтому не будет преувеличением утверждение, что знание положений Конституции — один из существенных показателей общей и правовой культуры каждого гражданина.

Говоря об идеологической функции права, следует рассмотреть вопрос о пределах ее действия, поскольку он имеет важное для теории права значение. Необходимо отметить, что в классификации функций права и функций государства имеется много сходных моментов, однако вопросы деления первых на внутренние и внешние практически не рассматриваются.

Право создается каждым государством для решения внутренних задач, его действие ограничено пределами государственной территории.

Однако данное положение не распространяется на реализацию его идеологической функции, особенность которой состоит в способности преодолевать территориальные границы и воздействовать вовне.

Собственно юридические черты права здесь отступают на второй план, а на первый выдвигаются аксиологические, идеологические. Например, Конституция США 1787 г. являлась мощным стимулом для других народов, боровшихся за установление демократического строя, свержение диктатур. Конституция РСФСР 1918 г., Конституция СССР служили важным ориентиром для государств, строивших социализм.

Однако в принципе функции права – это его внутренние функции. Право конкретного государства, его действие ограничены границами данного государства. Поэтому следует исходить из того, что функции права как основные направления его воздействия на общественные отношения – это его внутренние функции, и они не могут быть внешними подобно функциям государства. Что касается идеологической функции права, то в данном случае следует сделать некоторые уточнения, поскольку идеология не может быть жестко ограничена границами одного конкретного государства.

Современные информационные технологии позволяют распространять идеи, преодолевая пограничные столбы. Поэтому идеи, на которых основываются конституции, избирательные законы, права и свободы граждан, их гарантии, становятся известными не только гражданам одной страны, но и народам других стран и даже всему миру. Особенно это касается общечеловеческих и демократических ценностей, закрепляемых правом.

Если право соответствует демократическим и гуманным стремлениям, интересам и надеждам людей, оно становится притягательным для них, гражданами каких бы государств они ни являлись. Кроме того, существует множество международных организаций, добивающихся распространения реальных демократических и якобы демократических правовых институтов во всех странах мира. С этих позиций можно утверждать, что идеологическая функция права – это одновременно и его внешняя функция.

В этой связи хотелось бы обратить внимание на следующее обстоятельство. В литературе высказаны суждения о внешних функциях права. Например, Л.А.Морозова, говоря о внешних функциях права, имеет в виду его действие как социального регулятора общественных отноше-

ний. Она пишет, что внешние функции права находятся как бы за пределами самого права. Соответственно, она выделяет культурно-историческую, воспитательную, информационно-регулятивную функции и функцию социального контроля.

В данном перечне функций, пожалуй, лишь культурно-историческая функция соответствует понятию «внешние функции», ибо посредством ее, как пишет Л.А. Морозова, «право аккумулирует духовные ценности и достижения мировой культуры» [3]. Другие функции трудно отнести к внешним, их характеристика дает основание утверждать, что это обычные функции права – социальный контроль, информационное регулирующее воздействие, осуществляемые внутри государства.

Итак, каковы основные признаки идеологической функции права?

Во-первых, идеологическая функция есть отражение правом определенной идеологии конкретного общества (или классовой, или общенациональной), что позволяет праву более эффективно

выполнять свою основную задачу – регулировать общественные отношения.

Во-вторых, идеологическая функция всегда направлена на укрепление идеологии политических сил, стоящих у власти, причем не только правовых, но и иных взглядов и представлений.

В-третьих, идеологическая функция характеризует право как прогрессивный, или, напротив, регрессивный идеологический инструмент, способствующий или тормозящий развитие общества.

В-четвертых, идеологическую функцию можно рассматривать в рамках способности права осуществлять внешнее воздействие, т.е. можно отнести ее к внешним функциям права.

Примечания

1. Алексеев С.С. Социальная ценность права в советском обществе. – М., 1971. – С. 198.
2. Парсонс Т. Социологическая функция в современном мире. – Нью-Йорк, 1967. – С. 190.
3. Морозова Л.А. Теория государства и права. – М, 2008. – С. 208.

НАУЧНЫЕ СТАТЬИ

УДК 340

ПРАВО В КОНТЕКСТЕ ПОРЯДКА ОБЩЕСТВА

Працко Г.С.

*доктор филос. наук, доктор юрид. наук, профессор
кафедры теории и истории государства и права ИПЭиФ КБГУ*

В статье анализируются некоторые аспекты соотношения права, принципа законности и правового порядка как ценностных явлений, присущих демократической политической, социальной и правовой действительности. Подчеркивается особая роль правовых законов, аккумулирующих принцип законности и обеспечивающих основу жизнедеятельности гражданского общества и его членов.

Ключевые слова: гражданское общество, правовое государство, институты демократии, право, правовые законы, принцип законности, режим законности, правовой порядок, права и свободы личности.

RIGHT IN THE CONTEXT OF THE SOCIETY

Pratsko G.S.

Doctor of philosophical Sciences, doctor of legal sciences, Professor

The article analyzes some aspects of the relationship between law, the principle of legality and the legal order as value phenomena inherent in democratic political, social and legal reality. It emphasizes the special role of legal laws that accumulate the principle of legality and provide the basis for the life of civil society and its members.

Keywords: civil society, rule of law, democratization institutions, law, legal laws, the principle of legality, the rule of law, legal order, the rights and freedoms of the individual.

Право и законность рассматриваются в качестве тех явлений правовой жизни гражданского общества, которые преломляются в правовой порядок, адекватный жизнедеятельности личности в условиях зрелой демократии. Изучение соотношения указанных категорий представляет теоретическое и практическое значение для современной юридической науки.

Право как ценностное общественное явление определяет параметры законности, ее место и уровень в условиях становления и функционирования гражданского общества. Право как фундаментальная основа достойного существования большинства членов гражданского общества моделирует соответствующее состояние законно-

сти, которое призвано внедряться во все ведущие сферы правовой действительности.

В любом нормально функционирующем обществе действующие законы проявляют свое практическое предназначение только тогда, когда должным образом исполняются, плодотворно влияют на поведение людей. Неразрывная связь права с процессом реализации закона конструирует понятие законности [3, с. 454].

Взаимосвязь права, законности и правопорядка одновременно выполняет такую сущностную миссию как влияние на процесс совершенствования и развития системы права и системы действующего законодательства как надежной основы становления и функционирования инсти-

тутов гражданского общества и структур правовой государственности.

В гражданском обществе каждый действующий закон приобретает ценностное значение только тогда, когда он позитивно воспринимается значительной частью членов данного общества, касается поведения любого потенциального субъекта права, мотивирует его правовое поведение как правомерное, активно влияет на повышение уровня правосознания и правовой культуры членов общества. Право, отражающее идеи и требования естественного права, инициирует внедрение в систему права и систему действующего законодательства только тех законов, которые эффективно и действенно влияют на упорядочение общественных отношений и вводят их в состояние, соответствующее требованиям принципа законности как неперемennого условия становления должного правопорядка.

В соотношении право–законность–правопорядок заметное место занимает понимание законности как особого состояния, режима правовой действительности, отражающей демократические компоненты общественной жизни. Состояние законности позволяет судить о том, каков характер осуществления права – происходит ли это на основе сознательности, высокого уровня правосознания и правовой культуры, или же преобладают начала запретов, санкций, государственного принуждения. Господство законности означает одновременно и приоритет права, и верховенство закона. Декларация же о наличии законности – констатация проблем в сфере внедрения ценностей права.

Разумеется, законность не может быть тождественной пониманию реализации права. Реализация права может быть весьма успешной исключительно на основе государственного принуждения, в условиях антидемократического режима, при котором ни о какой действительной законности не может быть и речи. Внедрение правовых норм в систему общественных отношений, достижение массового правомерного поведения, достижение правовой результативности могут происходить и вне законности, что подтверждается практикой тоталитарных режимов.

При отсутствии институтов демократии вопрос о наличии законности утрачивает свои реальные очертания. В условиях советского тоталитаризма высокопарно твердилось о роли социалистической законности, а в действительности на первых ролях было нагнетание страха, применение карательных мер, вынесение неправосудных приговоров. Поэтому рассуждения о

социалистической законности были важной составной частью общезначимой государственной идеологии.

Истинная законность отражает такую упорядоченность общественных отношений, при которой проявляются ценностные аспекты права, законов, юридических норм, а отношение членов общества к праву рассматривается в качестве позитивного, уважительного отношения к проявленным ценностным началам права. Соотношение законности и ценностных начал права, системы права, системы действующего законодательства может иметь реальное проявление лишь в условиях подлинной демократии, в условиях реального гражданского общества и при наличии основ правовой государственности.

Декларативное провозглашение законности – не есть истинная законность, это довольно сложное правовое явление, характеризующееся целым рядом особенностей.

Законность является одним из ведущих принципов права в целом, принципом правосудия, принципом гражданского, уголовного и иных процессов при рассмотрении различных юридических дел. Это означает, что принцип законности затрагивает все ведущие сферы правовой действительности, жизнедеятельности гражданского общества. Содержание принципа законности составляют те правовые требования, которые предъявляются к соответствующим субъектам права [2, с. 465].

Будучи отражением ценностей права, принцип законности самым непосредственным образом соотносится с наличием правовых законов в системе действующего законодательства. Отражая идеи естественного права как права, признающего личность, ее права и свободы в качестве высшей социальной ценности, правовые законы образуют фундаментальную основу становления принципа законности как условия и режима функционирования гражданского общества.

В практическом плане принцип законности находит свое проявление в том, что им руководствуются субъекты права, находясь в тех жизненных ситуациях, которые регламентируются соответствующими юридическими нормами. Принцип законности инициирует точное и неуклонное соблюдение юридических требований и предписаний и мотивирует выбор соответствующим субъектом права именно правомерного поведения.

В связи с этим необходимо отметить, что в юридической литературе имеет место мнение, что носителями принципа законности могут быть только должностные лица, которые обладают

правовыми и служебными рычагами внедрения законности в общественные отношения, но не граждане, которые не обладают правомочиями обеспечения принципа законности в конкретных жизненных ситуациях. Вопрос, безусловно, спорный. Однако соблюдение всеми субъектами права и духа, и буквы закона не может не влиять на внедрение принципа законности во все ведущие аспекты правовой действительности. Целенаправленное обеспечение законности, видимо, зависит от усилий компетентных государственно-властных структур и компетентных должностных лиц.

Особое предназначение принципа законности сказывается на функционировании государственных органов, деятельности аппарата государства и его должностных лиц. Пик законности проявляет себя именно тогда, когда все полномочные и компетентные структуры государства и ответственные должностные лица независимо от их служебного ранга действуют только на основе правовых законов. При этом государственные служащие неукоснительно привержены конституционному принципу равенства перед законом и судом. Проявление принципа законности в сугубо государственной сфере плодотворно сказывается на всех других областях жизнедеятельности гражданского общества и его членов.

В целях повышения роли и эффективности принципа законности государство и его компетентные органы призваны проявлять инициативу относительно внедрения в действующую систему права именно правовых законов, отражающих интересы, права и свободы подавляющей части членов общества и поэтому изначально predisposed к их реализации всеми потенциальными субъектами права. Принцип законности, аккумулируемый правовыми законами, становится общей основой функционирования общества и государства, жизнедеятельности человека и гражданина.

Принцип законности должен зримо проявлять себя в сферах правотворческой деятельности, в процессах применения юридических норм, в иерархии соотношения законов и подзаконных актов и в требовании верховенства демократической Конституции соответствия ей системы действующего законодательства. При отсутствии истинно демократических принципов и норм конституции как основного закона вопрос о подлинной законности утрачивает свой практический смысл, становится лишь идеологической декларацией. Действительность принципа законности может формироваться не только наличием

демократической конституции страны, но и неукоснительным соблюдением ее сущностных положений. Таким образом, ценности действующей Конституции – основа становления и действия принципа законности как ведущего принципа права. Сконструированный на такой правовой основе принцип законности становится гарантией внедрения в приоритетные общественные отношения должного правового порядка.

В качестве особого режима правовой действительности принцип законности исходит из требования верховенства права, действующей Конституции и правовых законов, обеспечивающих и гарантирующих права и свободы человека и гражданина и тем самым обеспечивающих наличие должного правопорядка в жизнедеятельности членов гражданского общества. В итоге правовая действительность характеризуется отражением начал политической целесообразности, нравственности и справедливости в системе складывающихся общественных отношений. В таких жизненных условиях государство находится на страже требований принципа законности, что гарантирует общество и личность от произвольного вмешательства властных структур в их жизнедеятельность, сводит к минимуму акты беззакония и нелегитимного принуждения.

Принцип законности, отстаивающий наличие в обществе, в ведущих сферах правовой действительности должного правопорядка, проявляет свою практическую сущность. Такая сторона проявления идей и требований принципа законности укрепляет процессы становления и развития правовой государственности, повышает уровень приоритета права как ценностного явления, укрепляющего основы функционирования гражданского общества. Следовательно, право, принцип законности, устойчивый правопорядок – та стержневая линия, которая обуславливает взаимосвязь развивающихся гражданского общества и правового государства.

Будучи ведущим принципом права, законность исходит из требований функционирования государства и общества на ценностных началах права, мотивации и осуществления массового правомерного поведения, признания всеми государственно-властными структурами и субъектами права верховенства правовых законов, что моделирует тот правовой микроклимат, который позволяет большинству членов развивающегося гражданского общества достигать реализации своих приоритетных жизненных интересов, прав и свобод.

Система современного действующего законодательства призвана создавать необходимые условия для полноценной жизни каждого члена общества. К этому должен стремиться законодатель [3, с. 23].

Стержневым компонентом принципа законности является его приоритетное и сущностное соотношение с наличием и действием системы правовых законов. Ставка принципа законности на законодательство позитивной системы права, отражающей преимущественно волю и интересы государства и его структур, обесценивает значение данного принципа, умаляет его практическое назначение, отдаляет от жизненных потребностей каждой конкретной личности. Вне связи с правовыми законами принцип законности утрачивает свое ведущее свойство – быть условием и важным инструментом формирования должного правопорядка в системе регулируемых правом общественных отношений.

Принцип законности становится полноценным только при опоре на сущность и содержание правовых законов. Правовой закон обладает особой силой воздействия на сознание и психологию членов общества потому, что он адресован каждой личности, ее ведущим жизненным притязаниям, соответствующим правам и сводам. Такая направленность правовых законов носит приоритетный характер, поэтому и воспринимается большинством членов именно складывающегося гражданского общества. При отсутствии основ гражданского общества любые ожидания правовых законов приобретают иллюзорный характер.

Только в условиях развивающегося гражданского общества правовые законы не просто обретают всеобщую и общеобязательную силу, а занимают позиции истинного верховенства в системе действующего законодательства. Такая сущность правовых законов наполняет позитивно-истинным содержанием и сам принцип законности. В сочетании с правовыми законами принцип законности поощряет, инициирует, внедряет в жизнь общества тот правовой порядок, который соответствует воле и интересам большинства членов общества, содействует обеспечению достойного существования каждой личности. Тем самым утверждаются принципы гуманизма, социальной и правовой справедливости, устоев нравственности во всех ведущих сферах правовой жизни общества.

Трансформация ценностей права как особого общественного явления в содержание правовых законов предъявляет повышенные требования к

функционированию государства, определяет властные параметры должностных лиц всех рангов, сужает сферу проявления актов произвола и беззакония, проникновения структур государства в сугубо общественную деятельность институтов и учреждений гражданского общества.

В итоге принцип законности обретает ценностное содержание, обращенное к реализации жизненно важных интересов и потребностей каждого конкретного члена общества. А базой их действительной реализации служит должный правовой порядок, не имеющий никаких отклонений от сущностных требований принципа законности. Общество становится гражданским, а государство правовым при условии признания и внедрения в систему права правовых законов как приоритетных нормативно-правовых актов.

Если в действующей системе права преобладают законы, отдаленные от истинных интересов, прав и свобод человека и гражданина, то нет оснований констатировать наличие гражданского общества и правового государства. Тем самым исключается и действие полноценного и значимого принципа законности. Законы, лишённые сущности и целевой направленности правовых законов, не в состоянии моделировать содержание истинной законности как ведущего фактора внедрения правового порядка, служащего интересам и жизненным потребностям большинства членов общества.

Социалистическая законность в свое время рассматривалась как требование соблюдения любых законов, в том числе весьма далеких от жизненных притязаний большинства населения. На практике речь шла о неукоснительном исполнении юридических требований исключительно гражданами как субъектами права. Принцип законности в целом не распространялся на деятельность государственных органов и компетентных должностных лиц. А ведь состояние законности в первую очередь проявляется в том, насколько пропитан духом законности государственный аппарат, насколько прочна законность именно здесь. От состояния законности в сфере деятельности должностных лиц зависит состояние прав и свобод граждан [4, с. 381].

Таким образом, только в условиях демократии, наличия реальных процессов формирования гражданского общества и правовой государственности ценности права, отражая идеи естественного права, инициируют внедрение в систему действующего права правовых законов. В свою очередь, правовые законы аккумулируют подлинное содержание принципа законности.

Принцип законности предопределяет становление такого правового порядка, который нормализует жизнедеятельность общества и его членов, содействует обретению каждой личностью достойного существования и, в конечном счете, вносит элементы гармонии во всю систему общественных отношений. Учитывая негативные уроки прошлого, современная социальная, политическая и правовая действительность должна во все большей мере воспринимать и внедрять в ведущие сферы своей жизнедеятельности качества и формы подлинной демократии.

Современный подход к пониманию права как ценностного явления, подразделение действующих законов на правовые и неправовые законы, внедрение принципа законности в качестве ведущего принципа права обуславливают тот правовой порядок, который укрепляет и развивает правовой статус личности, гарантирует обеспечение ее жизненно важных прав и свобод.

Наличие демократического режима законности как комплексного политического, общественного и правового явления, характеризующего функционирование гражданского общества, подчеркивает потребность в такой единой фундаментальной основе, как правовой порядок. Именно правовой порядок, иницируемый интересами и потребностями гражданского общества и каждой личности, может являться практическим свидетельством действия принципа законности как одного из ценностных принципов системы права.

Будучи общеправовым, принцип законности строится на своих исходных началах (принципах). В этих началах заключены те основные требования, которые предъявляет и привносит в правовую действительность принцип законности.

Речь в первую очередь о всеобщности рассматриваемого принципа. В условиях гражданского общества и правовой государственности не может быть таких субъектов права, которые бы уклонялись от требований принципа законности, уходили из зоны его действия и тем самым игнорировали прямо или косвенно действие правовых законов.

Принцип законности – олицетворение начал справедливости во всех ведущих областях правовой действительности. В сферах законотворчества, применения правовых законов, обес-

печения прав и свобод человека и гражданина справедливость должна иметь реальные очертания. Установленный правовой порядок непременно должен быть ориентирован на начала справедливости.

Особое свойство принципа законности состоит в единстве режима законности, то есть распространении требований законности на всю территорию государства без каких бы то ни было исключений. Единство режима законности обеспечивает равные возможности всех регионов и проживающего на их территории населения пользоваться всеми легитимными жизненными благами.

Принцип законности должен быть целесообразным в соответствующих жизненных обстоятельствах. Это означает, что режим законности должен реально проявлять себя в первую очередь в области правового упорядочения наиболее важных общественных отношений, где удовлетворяются приоритетные интересы и потребности личности, реализуются права и свободы человека и гражданина, отстаивается достоинство человеческого существования.

Примечания

1. Алексеев С.С., Архипов С.И., Игнатенко Г.В. и др. Теория государства и права / под ред. В.М. Корельского и В.Д. Первалова. – М., 2000.
2. Нерсесянц В.С. Проблемы общей теории права и государства. – М., 1999.
3. Керимов Д.А. Культура и техника законотворчества. – М., 1991.
4. Черданцев А.Ф. Теория государства и права. – М., 2001.
5. Працко Г.С. Порядок общества: теоретико-правовые основания: монография. – Ростов-на-Дону: Рост. ун-т, 2006.
6. Працко Г.С. Политический плюрализм: правовое измерение и субъекты порядка: монография. – Ростов-на-Дону, 2009.
7. Шумилина А.Б., Тутинас Е.В. Законность как системное образование // Юристь-правовед. – 2015. – № 1.

ПРЕАМБУЛА НОРМАТИВНЫХ ПРАВОВЫХ АКТОВ КАК ВАЖНЕЙШИЙ ЭЛЕМЕНТ ЮРИДИЧЕСКОЙ ТЕХНОЛОГИИ

Маремкулов А.Н.

*профессор кафедры теории и истории государства и права ИПЭиФ КБГУ,
доктор юридических наук, кандидат исторических наук*

В работе анализируется юридико-правовая значимость преамбулы нормативно-правовых актов, обосновывается необходимость нормативного закрепления обязательности преамбулы как обязательной части нормативно-правового акта.

Ключевые слова: преамбула, юридическая технология, правовые акты.

PREAMBLE OF NORMATIVE LEGAL ACTS AS AN ESSENTIAL ELEMENT OF LEGAL TECHNOLOGY

Maremkulov A.N.

*Professor of the Department of theory and history of State and Law, Institute of Law,
Economics and Finance, doctor of Law, candidate of historical Sciences*

The paper analyzes the legal significance of the preamble of normative legal acts, substantiates the need for regulatory consolidation of the mandatory preamble as a mandatory part of the normative legal act.

Keywords: preamble, legal technology, legal acts.

При всем сожалении, сегодня необходимо признать, что юридическая технология занимает весьма скромное место в процессе подготовки нормативно-правовых актов органами государственной власти. Несмотря на достаточный интерес к этому институту ученых-правоведов, внимание практиков к юридической технологии весьма поверхностно, что, на наш взгляд, в полной мере отражает заинтересованность органов государственной власти в эффективности законодательства. Вместе с тем, по мнению исследователей, российское законодательство как большинство феноменов отечественной юридической науки сопровождаются неточности, ошибки скрытые и явные, пробелы умышленные и допущенные неосознанно и прочие коллизии, что является предпосылкой для повышения качества законов и эффективности содержащихся в них норм [1].

Полагаем, что практики нередко относятся к юридической технологии как несколько «бездумному» механизму, вспомогательной силе при подготовке акта.

В этом плане нам более обоснованными кажутся подходы авторов, которые предполагают, что юридическая технология имеет непо-

средственное отношение к фундаментальным основам познания. Справедливым представляется мнение исследователей о том, что законодательная техника оказывает значительное влияние через форму законодательных актов и на их сущность, и на содержание [2].

В этой связи, на наш взгляд, особого внимания заслуживает важнейший элемент юридической технологии – преамбула. Убеждены, что правовой потенциал этого уникального элемента далеко не изучен. Исследователи вполне справедливо отмечают важность этого элемента, считая, что преамбула нормативного правового акта активно и полноценно участвует в механизме и правового регулирования, и юридического воздействия на поведение субъектов общественных отношений [3].

Полагаем, что под преамбулой следует понимать обязательную часть нормативно-правового акта, где должны быть закреплены причины, цели и мотивы принимаемого акта, и самое важное, желаемые результаты, которых хочет достигнуть законодатель.

Подобный подход, на наш взгляд, позволяет достичь нескольких аспектов результативности использования преамбулы в акте.

1. К сожалению, как отмечалось выше, отношение к преамбулам нормативно-правовых актов крайне поверхностное, что ведет к ошибочному к ней отношению, как ненужному, лишнему элементу акта.

Примером такого отношения может служить Постановление Правительства РФ от 12.11.2015 № 1223 «О размерах минимальной и максимальной величин пособия по безработице на 2016 год» [4]. Преамбула только обозначает необходимость принятия постановления в соответствии со статьей 33 Закона Российской Федерации «О занятости населения в Российской Федерации». В то же время абсолютно неясно, почему нормативно закреплены именно эти размеры пособий. А ведь эта норма касается наименее защищенной категории населения страны. Можно также привести множество нормативно-правовых актов, где преамбула вовсе отсутствует. Такое, поверхностное отношение к преамбуле в итоге вводит в заблуждение исследователей, которые ошибочно полагают, что преамбула фактически является лишним тестом, засоряющим документ и затрудняющим комплексное восприятие содержания всего нормативно [5].

В целях недопущения подобного рода неточностей как на практическом, так и теоретическом уровне, полагаем необходимым нормативно признать обязательность преамбулы. Субъект, к которому обращен принимаемый акт, должен знать, чем вызвано принятие того или иного нормативно-правового акта. Причем эта обязательность должна распространяться как на новые нормативно-правовые акты, так и на те, посредством которых вносятся изменения в действующие акты. Такой подход, на наш взгляд, обусловлен тем, что, во-первых, граждане должны знать, чем вызвано принятие нормативно-правового акта, почему государство в лице своих органов государственной власти решило урегулировать именно эту часть общественных отношений, а во-вторых, необходимо объяснить, чем вызвано изменение акта и чем принимаемый нормативно-правовой акт лучше предыдущего.

2. Обязательность преамбулы будет способствовать «прозрачности» нормативно-правового акта, поскольку законодатель должен будет показать, а в определенном смысле и доказать необходимость принятия акта. Сравнив цели, мотивы акта с результатами правового регулирования, можно выявить «ценность» принятого

акта. При таком подходе будет поставлен определенный фильтр, который бы позволил, особенно на региональном уровне, предотвратить принятие законодательных актов только ради их принятия.

Несомненное значение обязательность закрепления преамбулы имеет и с исторической точки зрения. Преамбула способствует изучению целого ряда вопросов: причин, целей и мотивов принятия акта, в определенном смысле можно проследить процесс формирования акта и т.д. В итоге подобный ракурс позволит определить эффективность достигнутых результатов (причем не только сразу после принятия акта, а по истечении времени) и далее при формировании правовой политики Российского государства учитывать этот богатейший опыт.

И наконец, закрепление обязательности преамбулы в нормативно-правовом акте выступает своеобразным средством правового воспитания, методом повышения юридической культуры, и от того, как «сконструирован» этот технико-юридический элемент, зависит правовая активность граждан и их законных объединений, должностных лиц и органов государства [6].

3. Безусловно, при подобном подходе встает вопрос о нормативности преамбулы. В современном законодательстве четко закреплено, что «если требуется разъяснение целей и мотивов принятия нормативного правового акта, то в проекте дается вступительная часть – преамбула. Положения нормативного характера в преамбулу не включаются» [7]. Последнее предложение своего рода наложило табу на нормативность преамбулы. Однако правоведы находятся в постоянном поиске преодоления этого положения с целью повышения роли преамбулы в нормативно-правовом акте. Одни считают, что преамбула должна быть неотъемлемой частью акта [8, 9], другие предлагают закреплять в преамбулах декларативные положения как особый вид нормативно-правовых предписаний [10], третьи предлагают насытить преамбулы законодательными дефинициями [11]. Каждый из этих подходов заслуживает внимания.

Как отмечалось выше, убеждены, что преамбула должна быть обязательной частью нормативно-правового акта. Запрет, закрепленный в постановлении Правительства РФ, касается понимания нормативности в классическом его представлении. И в этом мы солидарны.

Закрепленные в преамбуле положения нормативны по своей природе, однако существенно отличаются от принятой нормативности

акта (как о правиле поведения). Соответственно, зафиксированные в преамбуле положения имеют и отличное от классического понимания регулятивное значение. Эти положения важны для последовательного определения и внутреннего согласования целей, задач, функций всей системы и отдельных ее элементов, для воплощения их в конкретных юридических нормах [12].

Примечания

1. Золотухина Т.А. Российское законодательство: современное состояние и перспективы развития // Вестник юридического факультета южного федерального университета. – 2014. – № 2. – С. 35.
2. Марченко М.Н. Проблемы теории государства и права: учебник. – М., 2001. – С. 674–680.
3. Хачатурова Л.К. Преамбула нормативного правового акта как высокоценное технико-юридическое и культурно-воспитательное средство вузовской подготовки правоведов // Юридическая техника. – 2009. – № 3. – С. 355.
4. Постановление Правительства РФ от 12.11.2015 № 1223 «О размерах минимальной и максимальной величин пособия по безработице на 2016 год» // «Российская газета». – № 263. – 20.11.2015
5. Табарин И.В. Современная теория права: новый научный курс. – М., 2008. – С. 275.
6. Лутова Л.К. Преамбула нормативного правового акта: проблемы теории и практики: автореф. дисс. ... к.ю.н. – Нижний Новгород, 2011. – С. 5.
7. Постановление Правительства РФ от 13.08.1997 № 1009 (ред. от 05.05.2016) «Об утверждении Правил подготовки нормативных правовых актов федеральных органов исполнительной власти и их государственной регистрации» // «Российская газета». – № 161. – 21.08.1997.
8. Хачатурова Л.К. Правотворческая природа преамбулы нормативного правового акта (постановка проблемы) // Правотворчество и технико-юридические проблемы формирования системы российского законодательства в условиях глобализации: сборник статей. – Нижний Новгород, 2007. – С. 260–268.
9. Васильева Ю.В. К вопросу о роли преамбулы нормативного правового акта (на примере законодательства о социального обеспечения) // Lex Russica. – 2009. – Т. LXVIII, № 1. – С. 123–132.
10. Давыдова М.Л. Правовые декларации в российском законодательстве // Законотворческая техника современной России: состояние, проблемы, совершенствование: в 2 т. – Т. 1. – Н. Новгород, 2001. – С. 273–284.
11. Баранов В.М. Законодательная дефиниция как общеправовой феномен // Законодательная дефиниция: логико-гносеологические, политико-юридические, морально-психологические и практические проблемы: мат. междунар. круглого стола / под ред. В.М. Баранова и др. – Н. Новгород, 2007. – С. 58.
12. Шапсугов Д.Ю. Проблемы теории и истории власти, права и государства. – М., 2003. – С. 490.

**ИНСТИТУТ ПРЕЗИДЕНТСКОЙ ВЛАСТИ:
ОСОБЕННОСТИ СТАНОВЛЕНИЯ НА ПОСТСОВЕТСКОМ ПРОСТРАНСТВЕ**

Шумилина А.Б., Артюхин О.А.

*доцент кафедры «Коммерческое и предпринимательское право» ДГТУ, кандидат юридических наук
доцент кафедры «Теория и история государства и права» ДГТУ, кандидат политических наук*

В статье говорится о том, что современные политические процессы на постсоветском пространстве во многом определяются ролью политических институтов в политическом управлении, где наиболее важным выступает институт президентства, от которого во многом зависит вектор и механизмы реализации внешней и внутренней политики государств. Именно от данного института в большей степени зависят и интеграционные процессы, и политические механизмы обеспечения национальной безопасности.

Ключевые слова: государство, президентская власть, институт, постсоветское пространство, институционализация, конституционно-политические модели, трансформация.

**INSTITUTE OF PRESIDENTIAL POWER: THE PECULIARITIES
OF FORMATION IN THE POST-SOVIET SPACE**

Shumilina A.B., Artyukhin O.A.

*Associate Professor of the Department of commercial and business Law DSTU,
candidate of legal sciences
Associate Professor, Department of theory and history of State and Law DSTU,
candidate of political sciences*

This article says that modern political processes in the post-Soviet space is largely determined by the role of political institutions in political governance, where the most important acts, from the Institute of Presidency which largely depends on the vector and the mechanisms of realization of foreign and domestic policy. It is from this institution increasingly depend on integration processes and political mechanisms to ensure national security.

Keywords: government, presidential power, the Institute, the post-Soviet space, institutionalization, constitutional and political models, transformation.

Трансформации политической и экономической системы Советского Союза повлекли изменение как политического режима, так и формы государственного устройства и правления. Развал Советского союза детерминировал образование ряда государств на территории постсоветского пространства с республиканской формой правления.

Современные политические процессы на постсоветском пространстве во многом определяются ролью политических институтов в политическом управлении, где наиболее важным выступает институт президентства, от которого во многом зависит вектор и механизмы реализации внешней и внутренней политики государств. Именно от данного института в большей степени зависят и интеграционные процессы, и полити-

ческие механизмы обеспечения национальной безопасности.

Мировая политическая практика наглядно показывает, что институт президентства не является застывшей категорией, а постоянно эволюционирует. При этом его структурно-функциональные трансформации детерминированы поиском путей оптимизации и повышения эффективности президентской власти и обусловлены происходящими политическими процессами. Адаптация института главы государства к изменяющимся условиям обуславливается необходимостью сохранения за институтом президентства роли главного актора политического управления.

На постсоветском пространстве институт президентской власти складывался гетерогенно,

но можно выделить базовые конституционно-политические модели институционализации президентской власти в республиках бывшего СССР. К ним можно отнести: президентализированная, парламентаризированная и сбалансированная модели.

К республикам с президентализированной конституционно-политической моделью можно отнести: Армению, Казахстан, Россию, Беларусь, Таджикистан, Узбекистан, Туркменистан, Грузию; парламентаризированной – Молдову Украину; сбалансированной – Азербайджан, Кыргызстан.

В политических и юридических словарях под президентом (лат. *praesidens (praesidentis)* – сидящий впереди) понимается глава государства с республиканской формой правления, который избирается или народом, или представительными органами власти строго на определенный срок и который должен по истечении этого срока или переизбраться, или передать всю полноту власти вновь избранному президенту.

Несомненно, институт президентства является сложным и наполненным различными смыслами и значениями, сформировавшимися в различных политических и юридических дискурсах и способных к расширению различных концептов власти и конституционных моделей.

Здесь нельзя не согласиться с Д. Сартори о наполнении политико-правовых терминов различными смыслами и значениями [1: 153]. Он отмечает, что президентство как институт является неотъемлемой частью демократического государства, республиканской формой правления и играет важную роль в политической жизни страны. Любое государство, имеющее институт президентства, само решает полноту полномочий, а также срок, на который выбирается глава государства, порядок избрания и др. Все это в обязательном порядке записывается и закрепляется в Конституции или других нормативных актах.

Тем не менее, в современном дискурсе до конца не оформилась дефиниция «институт президентства», и она зачастую подменяется схожими понятиями «институт президентализма» и «институт президента».

Применительно к российской действительности российский институт президентства является объектом, вызывающим повышенный интерес у научного и журналистского сообщества. Существует разноплановые оценки данного института в зависимости от политической ориентации исследователей. Существует множество критических высказываний об его эффективности

как в России как в зарубежных, так и российских изданиях.

Как уже отмечалось, президент (лат. *praesidens* – сидящий впереди) является главой государства. Его полномочия зависят от формы правления. Обычно президент имеет полномочия в области политического управления, обладает законодательной инициативой; координирует внешнюю и внутреннюю политику, а также имеет целый ряд чрезвычайных полномочий. Президент в большинстве государств является верховным главнокомандующим вооруженными силами [2].

При анализе понятий «институт президентства» «институт президента» и, некоторые ученые не отождествляют данные категории. К примеру, А.Д. Гулиев считает некорректным отождествление этих категорий. Если в одном случае подразумевается институт той или иной сферы права (например, конституционного), то в другом – институт определенного государства [3: 146].

Многие ученые считают их словами-синонимами, которые ничем не отличаются друг от друга. К примеру, по мнению А. Канатбека, ученые, отдавая предпочтение какой-либо формулировке организации президентской власти, по сути, имеют в виду одно и то же. Аргументация А. Канатбека заключается в следующем: первое, «президент» присутствует во всех определениях; второе, понятия «институт президентства» и «институт президента» имеют такие одинаковые элементы, как: глава государства; его функции, полномочия, порядок реализации президентской власти [4].

Для более точного рассмотрения данных категорий следует обратиться к понятию «институт». С. Хантингтоном он определяется как стабильная, значимая и воспроизводящая модель поведения [5: 12].

Одни из основателей неоинституционализма Й. Ольсен и Дж. Марч считают, что институты являются способами внедрения политического поведения в институциональную структуру правил, ожиданий, норм и традиций [6: 5].

О.И. Зазнаев выдвинул предположение о том, что в институт входят не только нормы, но и элементы практик и даже отдельные персоны (например, У. Черчилль) [7: 16].

Если обращаться к международному опыту, то во многих странах мира Европы, Азии, Африки, Северной и Южной Америке институт президентства является неотъемлемым элементом политической системы. Необходимо отметить, что сегодня институт президентства существует в более чем 150 странах, и каждое госу-

дарство характеризуется своими отличительными особенностями, что обуславливает различный статус и полномочия главы государства. В США Президент интерпретируется как глава и государства, и правительства. Институт президентства распространился из США в страны Латинской Америки, а в 1848 году Франция и Швейцария стали первыми из европейских стран, где ввели должность Президента. Распространение института президентства произошло лишь в 20-м веке, когда совершился распад колониальных империй и образовался ряд независимых государств, где избрали президентскую форму правления.

Зарубежный опыт свидетельствует об особой роли института президентства в политической жизни страны, о его преимущественном праве влиять на общественно-политические процессы в государстве. В демократических странах на нем лежит ответственность ведущего гранта стабильности основ конституционного строя. Вследствие приобретенных полномочий и статуса Президента он также несет функцию сохранения законности и общественного благополучия.

Из 183-х стран, входивших в 1993 году в Организацию Объединенных Наций, 130 стран в своем государственном устройстве имели пост президента.

В литературе встречаются такие термины, как «Президентская форма правления», «Парламентская (или парламентарная) форма правления». При изучении такого явления, как президентская власть, используется, как правило, анализ конституционных и других политико-правовых норм и актов. Но нельзя оставлять в стороне политический опыт и соотношение прав Президентов в разные исторические периоды развития государства. Использование поста президента еще не говорит о возникновении самого института президентства со свойственными ему законодательными и административными особенностями, политико-правовыми нормами, а также с разработанной структурой разных подразделений. Возникновение такого института, как президентский – достаточно долгий исторический процесс, и при его формировании нельзя не опираться на исторический опыт страны.

После прекращения деятельности советского государства в СССР начались активные процессы суверенизации и становление государственности во всех бывших союзных республиках. Во всех республиках постсоветского пространства были приняты национальные конституции, закрепляющие организацию государственной власти и институциональные управленческие нововведения.

Внезапно получившие независимость и самостоятельность национальные политические и экономические элиты были вынуждены выстраивать новую национальную государственность. Необходимо отметить, что не все республики СССР были одинаково готовы в 1991 году к суверенизации, и поэтому они продолжали ориентироваться на «старшего брата» – Россию, что и отложило отпечаток на институционализацию президентской власти в новогосударственных образованиях.

Необходимо отметить, что процессы институционализации президентской власти имели и разное основание, и разнонаправленность. В одних вновь появившихся государствах институционализация президентства происходила на основе достижения общественного консенсуса (Грузия), в другом случае президентская власть была сформирована при поддержке партийной номенклатуры (Казахстан, Узбекистан, Туркменистан). В настоящее время институт президентства на постсоветском пространстве представлен разными моделями, со своими собственными чертами и уникальными особенностями.

Несомненно, современное постсоветское политическое пространство не монолитно, и у каждой вновь образованной политической системы свои особенности становления и функционирования. Ряд государств в своей политической жизни ориентированы на свою европейскую историю (к примеру, Литва, Латвия, Эстония, Молдова), и в своем развитии они стараются быть ориентированными на Запад, в своем политическом дискурсе декларируют принципы смежности власти и демократии.

Ряд других государств (Россия, Белоруссия, Армения, Казахстан, Азербайджан, Узбекистан, Таджикистан, Туркмения) оказались в зависимости от советской культурной инерции и имеют свои взгляды на политические процессы демократизации.

Есть и третья группа (Украина, Грузия, Кыргызстан), считающих, что политическая власть должна находиться в поиске наиболее оптимальных институтов, а в результате политический дискурс колеблется из крайности в крайность.

Культурный код и исторические традиции породили тенденции к централизации власти в ряде постсоветских политических систем, что особенно характерно для политических традиций Востока [8: 18]. Напротив, в политических системах, которые тяготеют к другим политическим традициям, стали наблюдаться обратные процессы. Несомненно, опыт определенной

постсоветской политической системы, а также выбор вектора развития могут детерминировать конструирование института президентства.

В подавляющем большинстве государств президента избирают на основе всеобщего, равного, прямого избирательного права при тайном голосовании. Но есть и исключения. К примеру, в Молдове президента тайным голосованием избирает парламент, в Латвии – сейм, в Эстонии – Государственное собрание (Рийиког) или коллегия выборщиков.

Особенно интересны взаимоотношения президента с исполнительной и законодательной властью. В ряде политических систем (Азербайджан, Белоруссия, Казахстан и др.) была установлена президентская форма правления, которая сочетается с сильной исполнительной властью. Президент является носителем многофункциональных политических полномочий – обладает монопольным правом на исполнительную власть и регулирует большинство политических процессов внутри страны.

Данная форма правления актуализирует объективацию власти, представленную в том или ином политическом режиме.

Б.И. Макаренко объединил форму правления одиннадцати постсоветских республик (кроме прибалтийских) с методами реализации политической власти, выделил 4 категории политических режимов [9: 1 05–125]:

1) президентские режимы с полнотой исполнительной власти у главы государства, а выборы в парламенты лишены конкуренции (Таджикистан, Узбекистан, Туркменистан);

2) тяготеющие к авторитаризму президентские режимы (Белоруссия), формальные президентско-парламентские режимы (Азербайджане, Казахстане) и формирующийся парламентский режим (Кыргызстан);

3) направленные на ослабление президентской власти (Украина и Молдова) – Молдова в начале 2000-х гг. из президентско-парламентской республики стала парламентской, а Украина премьер-президентской;

4) президентско-парламентские (Грузия и Армения) – имея некоторую общность политических режимов, имеют различия по объему полномочий президента, их можно отнести к нелиберальным демократиям.

Таким образом, в государствах постсоветского пространства сложилось три типа республик: парламентские, смешанные и президентские.

К президентским республикам можно отнести Армению, Азербайджан, Белоруссию, Турк-

менистан, Таджикистан, и Узбекистан. К смешанным республикам можно отнести Литву и Украину. Парламентские республики: Грузия, Кыргызстан, Молдова, Латвия, Эстония.

Особое место занимают институты президентства в Латвии, Литве и Эстонии, которые исторически были созданы еще в 20–30-х годах XX в., ликвидированы, а затем по новой восстановлены в период в условиях трансформации политической системы конца 20-го века.

Анализ института президентства в прибалтийских государствах показывает, что при его формировании балтийские страны не стали на путь полного копирования конституций классических парламентских государств. В странах Балтии институт президентства институционализировался, базируясь на собственном историческом опыте и расстановки политических сил.

Институционализация президентской власти в странах постсоветского пространства происходит по-разному, что отражает репрезентацию политическими элитами политического будущего.

Президентство как институт является неотъемлемой частью государства и играет важную роль в политической жизни страны. Любое государство, имеющее институт президентства, само решает полноту полномочий, а также срок, на который выбирается глава государства, порядок избрания и т.д. Все это в обязательном порядке записывается и закрепляется в Конституции или нормативных актах.

Примечания

1. Сартори Д. Искажение концептов в сравнительной политологии // Полис. – 2003. – № 4. – С. 153.

2. Новейший политологический глоссарий: основные категории, понятия, термины / под общей ред. И.С. Шегаева. – М., 2015.

3. Гулиев А.Д. Институт президентства в противодействии международному терроризму: сравнительно-правовой анализ законодательств Украины и Азербайджанской Республики. – Киев: НАУ, 2012. – С. 146.

4. Канатбек А. Институт президентской власти: понятийный аппарат и научные подходы. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://repository.enu.kz/bitstream/handle/123456789/3732/institut_prezidentskoi.pdf (дата обращения: 27.09.2018).

5. Huntington S. Political order in changing societies. – New Haven and London: Yale University Press, 1968. – P. 12.

6. March J.G., Olsen J.P. Rediscovering institutions: The organizational basis of politics. – N.Y.: The Free Press, 1989. – P. 5.

7. Зазнаев О.И. Полупрезидентская система: теоретические и прикладные аспекты. – Казань:

Казанский государственный университет им. В.И. Ульянова-Ленина, 2006. – С. 16.

8. Воскресенский А.Д. Политические системы и модели демократии на Востоке. – М.: Аспект Пресс, 2007. – С. 18.

9. Макаренко Б.И. Посткоммунистические страны: некоторые итоги трансформации // Политика. – 2008. – № 3 (50). – С. 105–125.

ТРАДИЦИОННЫЕ ИНСТИТУТЫ САМОУПРАВЛЕНИЯ В ЭТНОКУЛЬТУРЕ КАБАРДИНЦЕВ

Хачеритлов М.Ж.

*к.филос. наук, доцент кафедры теории и истории государства
и права института права, экономики и финансов КБГУ*

В статье исследуется исторический опыт и современные формы существования традиционного общественного института кабардинцев – хаса; выявляются основные аспекты и формы ее существования в социально-политической истории Северного Кавказа; определяется значимость хасы в общественно-политической жизни кабардинцев в настоящее время; характеризуется созданная в КБР правовая база, которая обеспечивала становление и функционирование местного самоуправления как одной из форм осуществления народовластия; делается вывод о том, что в постсоветский период хаса стала одним из значимых механизмов сохранения и воспроизводства этнокультурной идентичности кабардинцев.

Ключевые слова: сословно-представительное собрание, хаса, кабардинцы, этническая культура, этнокультурная идентичность

TRADITIONAL INSTITUTIONS OF SELF-GOVERNMENT IN THE ETHNIC CULTURE OF KABARDINS

Hacheritlov M.J.

*Candidate of philosophical Sciences. associate Professor, Department of theory
and history of State and Law, Institute of Law, Economics and Finance*

The article examines the historical experience and modern forms of existence of the traditional public Institute of Kabardins – Khas. The main aspects and forms of its existence in the socio-political history of the North Caucasus are revealed. The importance of hasa in the social and political life of Kabardins is determined at the present time. It is characterized by the legal framework created in the CBD, which ensured the formation and functioning of local self-government as a form of exercise of democracy. It is concluded that in this form in the post-Soviet period hasa became one of the important mechanisms of preservation and reproduction of ethnic and cultural identity of Kabardians.

Keywords: class-representative meeting, hasa, Kabardency, ethnic culture, ethno-cultural identity

В настоящее время успех проводимых в РФ социально-политических, экономических преобразований, направленных на развитие гражданского общества и правового государства, сохранение и развитие России как федеративного многонационального государства, зависит от эффективной национальной политики на всех уровнях (федеральном, региональном, местном). Развитие местного самоуправления в РФ должно протекать с учетом локальных особенностей культуры малых народов, воспринимать их общедемократические ценности и институты. Кроме того, данный процесс предполагает актуализацию созидательного потенциала традиционных форм и институтов самоуправления, выработанных в той или иной этнокультуре.

В этом плане определенный интерес вызывает анализ формообразующих элементов этнокультуры, изучение культурно-ценностных установок, степени и форм корпоративности национальных общностей [1: 151], в связи с чем целью данного исследования является характеристика одного из элементов этнокультуры кабардинцев – хасы (представительного социально-политического института) в исторической ретроспективе.

В разные исторические периоды у черкесов (в том числе и кабардинцев) функционировали различные формы государственных образований, таких как Синдика (VI век), Зихия (I в. н.э.), Касожский союз (X–XI в. н.э.) и т.п. Особой формой политических образований кабардинцев были феодальные княжества позднего Средневековья

[2: 27–28]. Хаса становилась объектом научных исследований многих авторов. В частности, впервые в письменных источниках подробная характеристика хасы дана П.С. Потемкиным в 1787 г. в его историко-этнографическом описании кабардинцев [3: 360–361]. Я. Потоцкий, побывавший на земле адыгов в 1798 г., также оставил ценные сведения о хасе [4: 227]. Многие исследователи хасы ссылаются на работу Ш.Б. Ногмова «История адыгейского народа» (1861 г.). Из современных авторов следует выделить В.Х. Кажарова, посвятившего специальное исследование адыгской хасе [5]. В отечественной историографии сохранился ряд и других исследований, в которых так или иначе затрагивались проблемы местного самоуправления кабардинцев в исторической ретроспективе [6; 7; 12]. Однако ряд вопросов остался неисследованным до настоящего времени.

В.Х. Кажаров отмечает общие черты между хасой нартов и феодальной хасой адыгов, о которой имеются архивные данные и историко-этнографические работы в русских источниках XIX–XX вв. Сходство это состоит в следующем:

- и та, и другая хаса выступали политическим институтом, являвшимся высшим органом власти в рамках того общества, в котором он функционировал;

- вся общественная жизнь как нартов, так и адыгов в период феодализма вращалась вокруг хасы;

- эти хасы (советы, собрания) были отделены от основной массы народа;

- их состав не избирался;

- деятельностью этих советов руководил пожизненно избираемый председатель [5: 16–17].

В отношении структуры хасы в разных источниках можно найти несовпадающие сведения. П.С. Потемкин указывал, что «общий круг» или общий совет (хаса) у кабардинцев состоял из трех палат, разделявших владельцев (князей) на узденей (дворян) и «народных старшин» (представителей крестьян) [3: 360–361].

Через полтора десятилетия после П.С. Потемкина Я. Потоцкий писал уже о двухпалатном собрании: «Проблемы, представляющие интерес для всей страны, обсуждаются на «поках», представляющих собой род выборного собрания. На них председательствует старейший князь. Собрание представлено в виде двух палат – палаты князей и палаты дворян, в каждой из которых есть свои ораторы. Обе палаты направляют друг другу своих депутатов, и, как говорят, эти собрания проходят с большим достоинством» [4: 227].

Первые письменные сведения о хасе приносятся на XVI в., т.е. на тот период, когда Кабарда переживала феодальную раздробленность. Это предопределяло наличие различных видов сословно-представительных собраний. Исходя из разделения Кабарды на удельные княжества и наличие партий, временных союзов княжеских родов, различают хасы:

- в отдельном княжеском уделе;
- в партии (включавшей 2 удела);
- при объединении трех уделов;
- общекабардинская хаса [5: 37].

В то время выборы верховного князя на общекабардинской хасе являлись средством легитимации его власти, освещения его авторитетом древней традиции, что в конечном итоге было направлено на укрепление данной власти.

Важнейшим направлением деятельности хасы являлось обеспечение внешней безопасности, то есть военно-оборонительные функции. В истории Кабарды в XVI–XVIII вв. можно проследить такую закономерность: повышение (или понижение) роли высшего законодательного и распорядительного органа сопровождалось также и усилением (или упадком) высшей исполнительной власти в лице верховного князя. Причем усиление этих двух наиболее важных социальных институтов кабардинского общества приходится на период реальной угрозы независимости страны и обострения классовой борьбы.

Будучи высшим сословно-представительным и законодательным органом, хаса кабардинцев выполняла и определенные судебные функции. В силу своей природы она могла определять решения судов любой инстанции, отвергая или утверждая их. В то же время хаса не подменяла деятельность судов, влияя на нее опосредованно:

- через функции верховного князя, избираемого хасой и исполнявшего роль председателя высшей судебной инстанции;

- через создание по решению хасы суда, компетентного разбирать спорные дела, затрагивающие судьбу всего общества;

- посредством отмены и принятия новых законов и установления санкций за их нарушение.

В связи с изменением социально-политической обстановки институт хасы подвергся определенной трансформации, изменились ее место и роль в жизни общества, а также функции, состав и структура. В ходе исторического процесса хаса из совета князей превращается в сословно-представительный орган феодального общества, в котором были представлены дворяне, а затем и свободные крестьяне. Однако из-

за своей слабости третья палата, да и хаса в целом, не справлялась с регулированием нарастающих социальных конфликтов, не стала органом народного представительства, не смогла сплотить кабардинское общество даже перед лицом внешней угрозы.

В первой четверти XIX в. Кабарда потеряла политическую самостоятельность, и сословно-представительные собрания перестали существовать [8].

В исторической памяти адыгов сохранились лишь смутные представления о хасе как национально-представительном органе. Однако в условиях гласности и перестройки в эпоху пробуждения национального самосознания народов в середине 80-х гг. XX в. общественная мысль стала все чаще обращаться к материалам прошлого для удовлетворения потребностей современности.

Стали предприниматься всяческие попытки реанимировать этот социально-политический институт и адаптировать его к новой действительности. Так, сначала хаса возродилась как «неформальное» общественное объединение, как адыгское культурное общество («Адыга Хаса»), «Ашамаз» (по имени одного из нартских героев). Данное общество ставило целью возрождение национальной культуры, языка, и его деятельность носила культурно-просветительский характер.

Но постепенно с нарастанием общего кризиса в стране на рубеже 80–90-х гг. XX в. деятельность общественных объединений стала политизироваться, и «Адыга Хаса» активно подключилась к рассмотрению обсуждавшегося в то время в партийных инстанциях национального вопроса, выдвигая собственные инициативы в этой сфере.

В избирательной кампании 1990 г., в ходе которой предстояло формирование депутатского корпуса Советов всех уровней, Адыгская Хаса выступила с общедемократических позиций, отодвинув на второй план национально-возрожденческую проблематику, в роли оппозиции консервативной «антиперестроечной» партноменклатуре республики [9: 105–106].

В период демонтажа советской системы и формирования новых государственных институтов в начале 90-х гг. XX в. национальные движения республики – кабардинская «Адыга Хаса» и балкарская «Тере» – оказались наиболее устойчивыми носителями массовой политической мобилизации населения и опорными элементами политического плюрализма, на что не могли претендовать собственно политические партии в то

время. Обе эти организации стремились непосредственно и адекватно выражать национальные интересы и представлять свои народы [1].

Наиболее важным и острым вопросом политико-правовой жизни республики начала 90-х гг. XX в. был вопрос о будущем национальной государственности – сохранится ли Кабардино-Балкария как единая республика, или она распадется на две самостоятельные республики: Кабардинскую и Балкарскую. В этих условиях официальные властные структуры объективно исполняли роль посредника, источника компромисса, удерживая ситуацию в целом от крайностей в правовом поле.

По мере того как новая власть укреплялась, и национальная официальная политическая элита пришла к согласию о сохранении единой Кабардино-Балкарской Республики, политическая активность национальных движений, прежде всего «Адыга Хасы» и «Тере», пошла на убыль, сосредоточившись на культурно-возрожденческой проблематике.

Яркой страницей в деятельности Адыгской Хасы стала ее позиция и практически политическая активность в деле оказания всемерной помощи и поддержки братскому абхазскому народу во время грузинско-абхазского конфликта.

Официальные власти чинили всяческие препятствия для полноценной деятельности «Адыга Хаса», вмешивались в ее внутренние дела [10]. Более того, Министерство юстиции КБР после неоднократных предупреждений о необходимости внесения изменений в Устав организации и ее перерегистрации подавало исковое заявление о приостановлении деятельности общественно-политической организации «Адыга Хаса». В этом заявлении отмечалось, что «Адыга Хаса» зарегистрирована в Министерстве юстиции КБР как Кабардинская национально-культурная автономия, и как таковая она подпадает под действие Федерального закона РФ «О национальной культурной автономии». На этом основании Минюст КБР требовал изъятия из Устава «Адыга Хаса» пункта 2.5, предусматривающего политическую деятельность: участие в выборных кампаниях, выдвижение кандидатов в депутаты, в президенты, что противоречило российскому законодательству.

Новым явлением в общественно-политической жизни 90-х годов в КБР стало возрождение такой формы социальной активности и общественного самоуправления, как родовые собрания, съезды, хасы отдельных фамилий: Кардановых, Шогеновых, Бейтуановых и т.д. Они имеют свои организационные структуры, пе-

чатные органы, благотворительные фонды. Родовые хасы занимаются изучением прошлого своего рода, восстановлением своего генеалогического древа, воспитательной работой среди молодежи, поддержкой работников науки, культуры, спорта и т.д.

Кроме того, в КБР создана правовая база, обеспечивающая становление и функционирование местного самоуправления как одной из форм осуществления народовластия. Принят закон «О местном самоуправлении в КБР», законы «О выборах депутатов местного самоуправления», «О статусе депутата Совета местного самоуправления», «Об административно-территориальном устройстве КБР», «О местном референдуме» и др. Однако в данных правовых документах нет упоминаний о каких-либо традиционных формах и институтах самоуправления, характерных для народов республики в прошлом, как нет никаких положений, указывающих на какие-либо национальные, культурные и другие особенности местного населения.

Все это говорит о том, что у коренных малочисленных народов России в ходе реализации конституционных принципов национальной политики появляется потребность обращаться к опыту прошлого в целях поиска оптимальных конструкций и стратегий сохранения и воспроизводства этнокультурной идентичности. Именно таким институтом в постсоветский период для кабардинцев и стала традиционная хаса.

Примечания

1. Орган общественно-политической организации «Адыга хаса» // Хаса. – 2000. – 18 мая.
2. Думанов Х.М., Кетов Ю.М. Адыгэ хабзэ и суд в Кабарде во второй половине XVIII–XIX веке. – Нальчик: КБНЦ РАН, 2000. – 136 с.

3. Кабардино-русские отношения в XVI–XVIII вв.: в 2 т. – Т. 2. / сост. В.М. Букалова. – М., 1957. – 480 с.

4. Потоцкий Я. Путешествие в Астраханские и Кавказские степи // Адыги, балкарцы и карачаевцы в известиях европейских авторов. – Нальчик: Эльбрус, 1974. – С. 225–234.

5. Кажаров В. Х. Адыгская хаса: из истории сословно-представительных учреждений феодальной Черкесии. – Нальчик: Эльбрус, 1992. – 128 с.

6. Кажаров В.Х. Избранные труды по истории и этнографии адыгов. – Нальчик: Печатный двор, 2014. – 904 с.

7. Лавров Л.И. Избранные труды по культуре абазин, адыгов, карачаевцев, балкарцев. Нальчик: Полиграф-комбинат им. Революции 1905 г., 2009. – 780 с.

8. Хрестоматия по истории Кабардино-Балкарской Республики / сост. А.Х. Абазов, М.В. Дышеков. – Нальчик: КБГУ, 2015. – 360 с.

9. Боров А.Х., Думанов Х.М., Кажаров В.Х. Современная государственность Кабардино-Балкарии: истоки, пути становления, проблемы. – Нальчик: Эль-Фа, 1999. – 160 с.

10. Обращение председателя «Адыга хаса» В. Атажукина к президенту КБР В.М. Кокову // Хаса. 2000. 18 мая.

11. Проблемы управления в сфере межнациональных отношений: предпосылки и формы разрешения межнациональных конфликтов: учебное пособие / под ред. С.И. Замогильного. – Саратов: Поволжской академии государственной службы, 1998. – 260 с.

12. Абазов А.Х. Нальчикский округ в судебной системе Терской области (последняя треть XIX–начало XX в.). – Нальчик: КБИГИ, 2014. – 108 с.

СУБЪЕКТНЫЙ СОСТАВ ОТНОШЕНИЙ РОССИИ И КРЫМСКОГО ХАНСТВА В XVIII в., ЗАКРЕПЛЕННЫЙ МЕЖГОСУДАРСТВЕННЫМИ ДОГОВОРАМИ

Казгериева Э.М.

к.ю.н., доцент кафедры теории и истории государства и права института права, экономики и финансов Кабардино-Балкарского государственного университета им. Х.М. Бербекова

В статье рассматривается субъектный состав взаимоотношений России с Крымским Ханством в XVIII веке, закрепленные межгосударственными договорами (Белградский трактат между Россией и Османской империей 1739 (Белградский мирный договор 1739), Кючук-Кайнарджийский мирный договор 1774) между Россией и Османской империей.

Ключевые слова: государственная политика Российской империи в XVIII в., Османская империя в XVIII в., Крымское ханство, Кабарда, Белградский трактат между Россией и Османской империей 1739 (Белградский мирный договор 1739), Кючук-Кайнарджийский мирный договор 1774.

POLITICAL AND LEGAL RELATIONS BETWEEN RUSSIA AND THE CRIMEAN KHANATE IN XVIII

Kazgerieva E.V.

PhD in Law, associate Professor of the Department of theory and history of state and Law of the Institute of law, Economics and Finance of Kabardino-Balkarian State University. After H.M. Berbekov

The article considers the subject composition of relations between Russia and the Crimean Khanate in the 18th century, defined by interstate treaties (Belgrade treatise between Russia and the Ottoman Empire in 1739 (Belgrade peace treaty 1739), Kyuchuk-Kaynardzhi peace treaty in 1774) between Russia and the Ottoman Empire.

Keywords: policy of the Russian Empire in the XVIII century, Ottoman Empire in the XVIII century, Crimean khanate, Kabarda, Belgrade Treaty between Russia and the Ottoman Empire (1739).

В истории становления Российской государственности, наверное, нет сложнее темы для политико-правового анализа, чем отношения, связанные с Крымским полуостровом, поскольку практически каждый вопрос до настоящего времени является спорным и противоречивым. Среди ученых историков и правоведов, отсутствует единое понимание оценки событий, связанных с Крымом. Историко-правовой аспект взаимоотношений между Россией и Крымским ханством в XVIII в. до настоящего времени практически не исследован, но историческое содержание этих отношений неоднократно подвергалось глубокому доктринальному анализу [1]. Вместе с тем именно в это время происходят важные политико-правовые изменения (присоединение Крыма к России). Для правоведов особый интерес представляют заключенные в рассматриваемый период два межгосударственных договора между Российской империей и Османской империей

(Белградский трактат между Россией и Османской империей 1739 [2] (далее – Белградский мирный договор 1739), Кючук-Кайнарджийский мирный договор 1774 [3]), которые явились основанием для поэтапного определения правового статуса Крымского ханства и в дальнейшем закрепили отношения между Российской империей и Крымом.

Рассмотрение вышеуказанных межгосударственных договоров позволило прийти к выводу, что исследуемые отношения являлись не двусторонними, а были представлены сложным многосубъектным составом. К началу XVIII века между Российской империей и Крымским ханством сложились противодействующие отношения. Но рассматриваемое противодействие усиливалось также заинтересованными сторонами: Османской империей и Кабардой. Отношения эти носили непропорциональный характер. Если Крымское ханство находилось в вассальной за-

висимости от Османской империи, то Кабарда с населявшим ее субэтносом адыгов [4] – кабардинцами находилась с Россией в союзнических военно-политических отношениях.

Военно-политическое содержание этих отношений неоднократно подвергалось научным исследованиям. По мнению Б.К. Мальбахова, Кабарда становится объектом Кавказской политики царизма с середины 50-х годов XVI века, который характеризовался вступлением определенной части кабардинских феодалов в военно-политический союз с Россией [5]. Следует обратить внимание, что исследователем определяется только частичный, а не всеобщий характер поддержки кабардинским субэтносом адыгов данных отношений. В 1561 году первый русский царь Иван IV Грозный женится на дочери кабардинского князя Темрюка Идарова (после крещения Мария, царица России [6]). Почти двести лет представители княжеских родов Кабарды входят в политическую элиту России [7]. Такое положение дел обеспечивало пророссийскую ориентацию Кабарды и противостояние вассальному Крымскому ханству и, соответственно, Османской империи при постоянной финансовой и военной поддержке и заинтересованности со стороны Российской империи, начиная с середины XVI века до подписания Белградского договора 1739 года, что подтверждается как государственными грамотами [8], так и ведомственными указами [9].

В XVIII веке, как Османская империя, так и Крымское ханство нередко заявляют о своих притязаниях на Кабарду [10]. Неоднократно султаном Османской империи предпринимаются попытки склонить Кабарду на свою сторону: *«Кабардинские владельцы, князи черкеския, чего ради вы московскому государю войску пристав, наших подданных, кубанских жителей разорили и войска их разбили; если бы не вы, и мы бы, [в] разорении не были, для чего вы на своего государя и на веру свою руки поднели...»* [11]. Кабарда в рассматриваемый период последовательно продолжала придерживаться пророссийской ориентации [12] и оказывала постоянное сопротивление Крымскому ханству [13]. В августе 1731 г. в Промемории, поданной резидентом И.И. Неплюевым Блистательной Порте, указывается на древнее подданство кабардинцев России, на постоянное оказание сопротивление ими войску крымского хана: *«...Кабарды, к тому не склонились и оные нападатели, ханы крымские, також и посыланные от них с войсками командиры иногда от самих тех кабардинцев супро-*

тивлением, а иногда чрез посылки российских войск, от Кабарды отвращаемы были» [14].

К середине XVIII века ситуация кардинально меняется, поскольку в российско-крымских отношениях вопрос о принадлежности Кабарды продолжал играть значимую политико-правовую роль и постоянно служил поводом для военного противостояния сторон и нарушения мирных договоренностей между Российской империей, Оттоманской Портой и Крымским ханством: *«... от Порты под разными неосновательными отговорками по присыланным от хана крымского фальшивым претензиям, будто те Кабарды более к Крыму, а не к России принадлежат, не воспоследовало. И по тем мнимым и неосновательным с турецкой стороны претензиям от нескольких лет, как сами ханы крымские, так и посылаемые от них салтаны и другие командиры с крымскими и кубанскими войсками к Кабардам многократно приходили для принуждения тех народов в подданство Крыму...»* [15]. Такое положение дел потребовало определения и закрепления правового статуса Кабарды.

Нормативно-правовым основанием такого статуса явился межгосударственный Белградский договор, в котором заинтересованными сторонами выступали Российская империя, Оттоманская порта, Крымское ханство и Кабарда. Согласно артикулу 6 Белградского договора между Россией и Портой Оттоманской закрепляется правовой статус «вольной» Кабарды *«об обеих Кабардах, то есть Большой и Малой, и Кабардинском народе, с обеих сторон соглашено с, что быть тем Кабардам вольным, и не быть под владением ни одного ни другого Империя»* [16], что означало отсутствие претензий на территории Большой и Малой Кабарды со стороны Российской и Османской империи и, соответственно, Крымского ханства.

Особый правовой интерес представляет условие договора, согласно которому кабардинцы *«только за барьеру меж ду обеими Империями служить имеют и что и от другой стороны блистательной Порты Туркам и Татарамвонья не вступаться, и оных не обезпокоивать также и от Всероссийской Империи оныя в покое оставлены будут»* [17], что означало, с одной стороны «барьерные» [18] функции Кабарды и запрет на использование имеющихся вооруженных сил Кабарды Российской империей, Османской империей и Крымским ханством.

Анализ вышеприведенной публично-правовой нормы межгосударственного договора закрепляет, с одной стороны, политическую значимость

военной поддержки Кабарды для конфликтующих сторон (Российской империей с Османской империей и Крымским ханством), а с другой, допустимость и вероятность использования военных сил Кабарды ранее конфликтующими сторонами.

Белградским договором также устанавливались условия пребывания аманатов [19] и в Российской империи, и в Оттоманской Порте, но с оговоркой, что *«ежели, помянутые Кабардинцы причину жалобы подадут одной или другой Державе, каждой позволяется наказать»* [20]. Из нормативного положения следует, что защита частно-правового интереса аманатов-кабардинцев была обеспечена возможностью применения мер публично-правового характера обеих Держав. Институт «аманатства» происходит от арабского аманат (араб.) – обычному праву ряда арабских и других восточных стран заложник, забираемый в обеспечение долгового обязательства применялся и в древней Руси [21].

Е.В. Самрина отмечает, что практиковалось «почетное заложничество». Многие «почетные» пленники учились в российских военных училищах, и домой они возвращались совершенно другими людьми. Как правило, аманатами становились дети элитарной части населения [22]. Особый статус и защита аманатов означали, что причинение им вреда могло послужить основанием для межгосударственного конфликта (между Россией и Оттоманской Портой).

Правовой анализ нормативных положений Белградского договора позволяет прийти к некоторым выводам:

- запрет на использование значимой военной поддержки Кабарды конфликтующими сторонами (с одной стороны, Российская империя, с другой – Османская империя и Крымское ханство);

- особая правовая защита кабардинских аманатов (причинение им вреда могло явиться основанием для межгосударственного конфликта) и возможность их пребывания у двух противодействующих государств и вассального Крымского ханства;

- признание независимого статуса («вольности») Кабарды, что позволяло рассматривать Кабарду как заинтересованную сторону в российско-крымско-турецких отношениях.

В этой связи, **Белградский мирный договор является основанием для международно-правового закрепления и признания нового субъекта «Большая и Малая Кабарда» с целью установления с ним дипломатических отношений, как со стороны Российской импе-**

рии, так и со стороны Османской империи и Крымского ханства в решении вопроса военной поддержки.

Статус «вольной» Кабарды длился 35 лет – с 1739 до 1774 года, до подписания Кючук-Кайнарджийского мирного договора. В этот период противостояния России с Османской империей и Крымским ханством вольная Кабарда продолжала придерживаться пророссийской ориентации и пользоваться регулярной военной поддержкой российской стороны, о чем свидетельствуют многочисленные факты противостояния Кабарды войскам Крымского ханства. В 1740 г. в письме кабардинских владельцев императрице Анне Ивановне указано, что *«по указам вашего величества всякие службы мы исправляли»* [23].

В 1742 г. обращение кабардинских владельцев императрице Елизавете Петровне с изложением их заслуг в сражениях с крымским ханом указано, что *«с войском российским и князем Александром Бековичем Черкасским вместе мы на Кубань ходили и тамо крымского калгу салтана с великим числом войск ево разбили»* [24]. В 1747 году Крымско-кабардинские отношения неоднократно являлись предметом обсуждения российской и турецкой сторон [25], а также **жалоб хана крымского на кабардинцев** [26]. В ноте российского императорского двора Турции о желательности невмешательства хана крымского и сераскира кубанского в кабардинские дела 1750 г. указано, что *«крымской хан ... не перестают под разными подлогами в кабардинския дела мешаться, употребляя иногда ласкания, а иногда угрозу и силу к приведению тамошних жителей к тому, чтоб оставя свое отечество к ним перешли ...»* [27].

В 1760 году крымский хан не оставляет попыток любым способом склонить Кабарду к своему подданству, но все безрезультатно: *«... от крымского хана посланец с таким требованием что они, кабардинцы, живут на земле, принадлежащей турецкому солтану, и потому б именовались и были в подданстве ево, крымского хана. А на то де они, владельцы, ответствовали ему, что они издревле, как деды и отцы их именовались и принадлежали более в российской стороне, потому и ныне в том ево не слушают, причём де тот посланник отвечивал, естли де они, кабардинцы, того не исполнят, то и силою к тому принуждены будут, против чего они, кабардинцы, объявили ему, что они таких угроз не боятца и силу их, как и прежде к ним приходило и ни с чём, только с одним уроном возвращалось...»* [28]. В 1761 г. «Порта

рекомендовала крымскому хану, что в случае, чтоб он..., отнюдь бы в кабардинские дела не мешался...» [29].

Причина такой заинтересованности крымского хана в Кабарде объясняется в указе Коллегии иностранных дел 1763 года: «кабардинский народ, почитаемой в тамошней стороне за превосходно храброй, ... всегда предметом ревностнаго старания ханов крымских иметь оной себе подчиненным» [30].

В 1769 году Российской стороной также предпринимались усилия в деле привлечения кабардинских владельцев на сторону России: «С сожалением здесь уведомленность о малых ваших успехах, в разсуждении приобретения кабардинцев в здешнюю сторону» [31]. Этот факт подтверждается в 1770 году в представлении капитана М. Гастотти в Коллегию иностранных дел о поведении кабардинских феодалов в период русско-турецкой войны с изложением его мнения о той политике, которую следует проводить царскому правительству в Кабарде: «Весьма много труда употребить надлежало, дабы обитающий великую Кабарду народ сохранил учиненную им в прошедшем году присягу в верности» [32]. В 1771 года Екатерина II в грамоте кабардинским владельцам указывает, что: «... когда мы уведомились в том, ... кабардинцы вышли из заблуждения, принесли повинную, признали себя нашими поданными и учинили присягу верности, а тем всем и предупредили конечное свое несчастье» [33].

Таким образом, рассматриваемый период «вольной» Кабарды характеризовался постоянными попытками «перетягивания» ее как со стороны Российской империи, так и со стороны Османской империи и Крымского ханства. В свою очередь, часть кабардинской знати продолжала последовательно придерживаться пророссийской ориентации и оказывать сопротивление притязаниям Крымского ханства.

Следующим межгосударственным соглашением, в котором учитывались интересы всех вышерассмотренных четырех сторон, является Кючук-Кайнарджийский договор 1774 года. В данном договоре, помимо интересов Крымского ханства и Кабарды, Российской Империей и Османской портой определялась принадлежность и других территорий (Бессарабия, княжества Воложское, княжество Молдавское, Архипелагские острова и др.), но только правовой статус Кабарды остался неопределенным и напрямую зависим от Крымского ханства.

В рассматриваемом договоре прямо не закрепляется независимость Крымского ханства, а в артикуле 6 признаются вольными и независимыми все татарские народы: «Все татарские народы: крымские, буджакские, кубанские, едиганцы, жамбуйлуки и едичкулы, без изъятия от обеих империй имеют быть признаны вольными и совершенно независимыми от всякой посторонней власти, но пребывающими под самодержавной властью собственного их хана чингисского поколения... ни российский двор, ни Оттоманская Порта не имеют вступаться как в избрание и возведение помянутого хана...» [34].

В договоре Крымское ханство не выделяется отдельным субъектом, как ранее выделялась «вольная» Кабарда. Правовой статус Кабарды нормативно неопределен, и эта неопределенность выражается в двусторонней зависимости Кабарды и от Российской империи, и от «воли хана крымского». С одной стороны, в преамбуле Кючук-Кайнарджийского договора «Кабардинские земли и земли черкасских и горских князей» перечисляются наравне с другими всероссийскими владениями императрицы. Но следует обратить внимание на то, что в договоре дифференцируются наименования земель, на которых проживают представители единого адыгского этноса «кабардинские и черкесские земли».

С другой стороны, согласно положению артикула 21 Кючук-Кайнарджийского договора: «Обе Кабарды, то есть Большая и Малая, по соседству с татарами большую связь имеют с ханами крымскими, для чего принадлежность их императорскому российскому двору должна предоставлена быть на волю хана крымского». Российской императрицей причислялись только земли черкесских и горных князей к своим, то есть части адыгского этноса, что допускало возможность решения дальнейшего правового статуса судьбы земель Большой и Малой Кабарды на усмотрение Крымского хана.

Таким образом, земля с населявшими ее представителями единого этноса (адыгами) впервые нормативным закреплением Кючук-Кайнарджийского договора делится на черкесские земли и Большую и Малую Кабарду. Кючук-Кайнарджийским мирным договором фактически определяется правовой статус только черкесских и горных князей, а правовой статус Кабарды не определен, и принадлежность ее российскому двору должна была основываться на волеизъявлении крымского хана. Анализ Кючук-Кайнарджийского договора иллюстрирует, что территориальная принадлежность Кабарды так и

осталась неопределенной, несмотря на то, что часть кабардинской знати продолжала придерживаться пророссийской ориентации.

Вместе с тем обращает на себя внимание используемая в договоре нормативная формулировка: «обе Кабарды, то есть Большая и Малая, по соседству с татарами большую связь имеют с ханами крымскими». Анализ исторических источников, позволяет прийти к выводу, что под «большой связью» могут подразумеваться как родственные отношения [35], так и отношения военно-политического характера (в составе крымских армий всегда фигурировали черкесы). Что касается кабардино-крымских отношений, то анализ исторических фактов, к сожалению, не всегда позволяет дать им юридико-правовую оценку. Поскольку рассматриваемые отношения Крымского ханства и Кабарды не предполагали дипломатических формально-закрепленных отношений, анализ «большой связи Кабарды с ханами крымскими» является предметом неправовых исследований.

Таким образом, в процессе рассмотрения субъектного состава отношений России и Крымского ханства в XVIII в., закрепленного межгосударственными соглашениями (Белградский мирный договор и Кючук-Кайнарджийский мирный договор) между Российской империей и Османской империей, было выявлено:

- в рассматриваемых договорах закреплялись основания поэтапного определения правового статуса Крымского ханства и дальнейших отношений между Российской империей и Крымом;
- рассматриваемые отношения носили не двусторонний, а сложный многосубъектный состав;
- противодействие между Российской империей и Крымским ханством усиливалось также заинтересованными сторонами: Османской империей и Кабардой;
- отношения эти носили непропорциональный характер – с одной стороны, находящееся в вассальной зависимости от Османской империи Крымское ханство, с другой – военно-политический союз Российской империи с «барьерной» Кабардой.

Примечания

1. См. например: Сотавов М. Н. Крымское ханство в русско-турецких отношениях 1700–1783 гг.: в свете влияния их на Дагестан: дисс. ... канд. ист. наук. Махачкала, 2010. – 166 с.; Тепкеев В.Т. Калмыцко-крымские отношения в XVIII веке: 1700–1771 гг.: дисс. ... канд. ист. наук. – М., 2005. 163 с.; Цеева З.А. Отношения

Черкессии с Османской империей и Крымским ханством: военный и социокультурный аспекты (70-е гг. XV–XVIII вв.): дис. ... канд. ист. наук. Майкоп, 2004. 226 с.; Санин Г.А. Отношения России и Украины с Крымским ханством в середине XVII века: автореф. дис. ... док-ра ист. наук. – М., 1989. – 37 с.; Кононович В.И. Дипломатия Великого княжества Литовского в 1480 – первой четверти XVI в. (отношения с Великим княжеством Московским и Крымским ханством): автореф. дис. ... канд. ист. наук. Минск, 1997.; Станиславский В. В. Политические отношения Запорожской Сечи и Крымского ханства в конце XVII–начале XVIII вв.: автореф. дис. ... канд. ист. наук. Киев, 1996. – 26 с.; Дейников Р.Т. Россия, Турция и Крымское ханство: геополитическая ситуация в Северном Причерноморье в период с 30-х гг. XVIII в. по 1783 г.: дисс. канд. ист. наук. М., 2013. 322 с.; Кидирниязов Д.С. Ногайцы в XV–XVIII вв.: Политические, экономические и культурные аспекты взаимоотношений с сопредельными странами и народами: дисс. ... д-ра ист. наук. – Махачкала, 2001. – 594 с.; Саламова Н.А. Кавказ и Причерноморье в русско-турецких отношениях: от Каспийского похода Петра I до присоединения Крыма к России: дисс. канд. ист. наук. – Махачкала, 2007. – 172 с.

2. Белградский трактат между Россией и Османской империей 1739. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: [https://ru.wikisource.org/wiki/Белградский_трактат_между_Россией_и_Османской_империей_\(1739\)](https://ru.wikisource.org/wiki/Белградский_трактат_между_Россией_и_Османской_империей_(1739)) (дата обращения: 11.12.2018).

3. Кючук-Кайнарджийский мирный договор 1774. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://turkey-info.ru/forum/stati145/tekst-kuchuk-kaynardjiyskogo-mirnogo-dogovora-t3008252.html> (дата обращения: 11.12.2018).

4. Содержание «адыгский этнос» (греч. ethnos – группа, племя, народ) – межпоколенная группа людей, объединенная длительным совместным проживанием на определенной территории, общими языком, культурой и самосознанием. У адыгского этноса выделяют 5 субэтносов (адыгейцы, шапсуги, кабардинцы, черкесы (бесланевцы), убыхи). Кабардинцы – субэтнос адыгского этноса. Наиболее широко представлен адыгейский субэтнос 14 этническими группами (абадзехи, адамийцы, бжедуги, гуаие, егерукаевцы, жанеевцы, мамхеги, махошевцы, натухайцы, темиргоевцы, хатукайцы, хегайки, хетуки, чебсин).

5. Мальбахов Б. К. Взаимоотношения Кабарды с Россией: от военно-политического союза к установлению российской администрации, се-

редина XVI–первая четверть XIX в.: дис. ... д-ра ист. наук. – Владикавказ, 1999. – С. 5.

6. Повесть о женитьбе Ивана Грозного на Марии Темрюковне. [Электронный архив]. – Режим доступа: http://www.vostlit.info/Texts/Dokumenty/Russ/XVI/1560-1580/Povest_zenitby_Ivan_Maria/pred.htm. (дата обращения: 11.12.2018).

7. Московское дворянство: алфавитный список дворянских родов с кратким указанием важнейших документов, находящихся в родословных делах Архива Московского дворянского депутатского собрания. – М., 1910. – С. 477.

8. 1711 г. марта 4-го. Грамота Петра I кабардинским владельцам и всему кабардинскому народу о согласии принять кабардинский народ в подданство России и защитить от внешних врагов; 1732 г. июля 10-го. Грамота императрицы Анны Ивановны кабардинским князьям о принятии их засвидетельствования вечного и верного подданства России, с обещанием им защиты // Кабардино-русские отношения в XVI–XVIII вв. – Т. 2. – М., 1957. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://cerkesarastirmalari.org/kabardino-russkie-otnosheniya-v-xvi-xviii-vv-to-2/> (дата обращения: 11.12.2018).

9. 1732 г. августа 15-го. Указ Коллегии иностранных дел командующему войсками в крепости Св. Креста Г. Дугласу с предложением предъявить Крыму обстоятельные доказательства о древнем подданстве Кабарды России, в связи с намерением крымского хана силой привести кабардинцев в свое подданство // Кабардино-русские отношения в XVI–XVIII вв. – Т. 2. – М., 1957. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://cerkesarastirmalari.org/kabardino-russkie-otnosheniya-v-xvi-xviii-vv-to-2/> (дата обращения: 11.12.2018).

10. 1712 г. после сентября 30-го. Запись в Посольском приказе словесного донесения кабардинских послов князю А.Б. Черкасскому о попытках крымского хана склонить дагестанских владельцев к совместному нападению на Кабарду для приведения кабардинцев в подданство крымскому хану; 1732 г. августа 15-го. – Указ Коллегии иностранных дел командующему войсками в крепости Св. Креста Г. Дугласу с предложением предъявить Крыму обстоятельные доказательства о древнем подданстве Кабарды России, в связи с намерением крымского хана силой привести кабардинцев в свое подданство // Кабардино-русские отношения в XVI–XVIII вв. – Т. 2. – М., 1957. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://cerkesarastirmalari.org/kabardino-rus->

[skie-otnosheniya-v-xvi-xviii-vv-to-2/](http://cerkesarastirmalari.org/kabardino-russkie-otnosheniya-v-xvi-xviii-vv-to-2/) (дата обращения: 11.12.2018).

11. 1713 г. ранее июля 13-го. Письмо кабардинских князей А.Б. Черкасскому о требовании турецкого султана и крымского хана принести повинную за Кубанский поход под угрозой их разорения // Кабардино-русские отношения в XVI–XVIII вв. – Т. 2. – М., 1957. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://cerkesarastirmalari.org/kabardino-russkie-otnosheniya-v-xvi-xviii-vv-to-2/> (дата обращения: 11.12.2018).

12. 1711 г. не ранее апреля – не позднее августа. Письмо кн. Александра Бековича Черкасского кабардинским владельцам с призывом объединиться в борьбе против турецкого султана и крымского хана // Кабардино-русские отношения в XVI–XVIII вв. – Т. 2. – М., 1957. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://cerkesarastirmalari.org/kabardino-russkie-otnosheniya-v-xvi-xviii-vv-to-2/> (дата обращения: 11.12.2018).

13. 1711 г. не ранее апреля – не позднее августа. Письмо кн. Александра Бековича Черкасского кабардинским владельцам с призывом объединиться в борьбе против турецкого султана и крымского хана; 1731 г. декабря 2-го; Указ Коллегии иностранных дел коменданту крепости Св. Креста Д.Ф. Еропкину с требованием продолжать разведку действий крымских войск и с сообщением о запрещении турецкого султана крымскому хану нападать на Кабарду; 1732 г. не ранее мая. Запись в Коллегии иностранных дел о переговорах резидента при Порте И.И. Неплюева по вопросу претензий Порты на Кабарду и улаживании конфликтов между крымским ханом и кабардинцами // Кабардино-русские отношения в XVI–XVIII вв. – Т. 2. – М., 1957. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://cerkesarastirmalari.org/kabardino-russkie-otnosheniya-v-xvi-xviii-vv-to-2/> (Дата обращения: 11.12.2018).

14. 1731 г. августа 10 – Промемория Блистательной Порте от российского резидента И.И. Неплюева, с указанием на древнее подданство кабардинцев России и с дружеским требованием послать указ к крымскому хану с запрещением его подданным приближаться с войском к российским границам // Кабардино-русские отношения в XVI–XVIII вв. – Т. 2. – М., 1957. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://cerkesarastirmalari.org/kabardino-russkie-otnosheniya-v-xvi-xviii-vv-to-2/> (дата обращения: 11.12.2018).

15. Там же.

16. Белградский трактат между Россией и Османской империей (1739) [Электронный ресурс]. – Режим доступа: [https://ru.wikisource.org/wiki/Белградский_трактат_между_Россией_и_Османской_империей_\(1739\)](https://ru.wikisource.org/wiki/Белградский_трактат_между_Россией_и_Османской_империей_(1739)). (дата обращения: 11.12.1978).
17. Используемое в рассматриваемом договоре словосочетание «Татарамво оныя не выступатья» означает не выступать на территории Крымских татар.
18. Налоева Е.Д. Кабарда в первой половине XVIII века: генезис адыгского феодального социума и проблемы социально-политической истории. – Нальчик, 2015. – С. 172.
19. Аманат (араб.) – по обычному праву ряда арабских и других восточных стран заложник, забираемый в обеспечение долгового обязательства. применялся и в древней Руси. См. Большой юридический словарь [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://gufo.me/dict/law> (дата обращения: 11.12.2018).
20. Там же.
21. Большой юридический словарь [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://gufo.me/dict/law> (дата обращения: 11.12.2018).
22. Самрина Е.В. Аманатство как социально-политический институт присоединения и покорения новых территорий к Российскому государству в XVII–XIX веках // Вестник Дагестанского научного центра. – 2013. – № 49. – С. 63–69 [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://vestnikdnc.ru/IssSources/49/Samrina.pdf> (дата обращения 11.12.2018).
23. 1740 г. ранее июля 12-го. Письмо кабардинских владельцев императрице Анне Ивановне с просьбой, ввиду их примирения, брать с них по одному аманату и продолжить выдачу жалования // Кабардино-русские отношения в XVI–XVIII вв. – Т. 2. – М., 1957. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://cerkesarastirmalari.org/kabardino-russkie-otnosheniya-v-xvi-xviii-vv-to-2/> (дата обращения: 11.12.2018).
24. 1742 г. июня 1. Прошение кабардинских владельцев Магомет-бека Кургокина и др. императрице Елизавете Петровне с изложением их заслуг в сражениях с крымским ханом и др. и просьбой ежегодно менять аманатов, отдавать обратно их холопов, уходящих в казацкие городки и выдать им жалованье // Кабардино-русские отношения в XVI–XVIII вв. – Т. 2. – М., 1957. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://cerkesarastirmalari.org/kabardino-russkie-otnosheniya-v-xvi-xviii-vv-to-2/> (дата обращения: 11.12.2018).
25. 1747 г. января 31-го. Экстракт из реляции резидента в Турции И.И. Неплюева о переговорах, с верховным визирем по крымско-кабардинским пограничным делам // Кабардино-русские отношения в XVI–XVIII вв. – Т. 2. – М., 1957. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://cerkesarastirmalari.org/kabardino-russkie-otnosheniya-v-xvi-xviii-vv-to-2/> (дата обращения: 11.12.2018).
26. 1747 г. июня 28-го. Из рапорта командующего войсками в Кизляре А.П. Девица в Коллегию иностранных дел о результатах посылки в Кабарду капитана Барковского и других для расследования жалоб хана крымского на кабардинцев // Кабардино-русские отношения в XVI–XVIII вв. – Т. 2. – М., 1957. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://cerkesarastirmalari.org/kabardino-russkie-otnosheniya-v-xvi-xviii-vv-to-2/> (дата обращения: 11.12.2018).
27. 1750 г. декабря 31. Из ноты российско-го императорского двора Турции о желательности невмешательства хана крымского и сераскира кубанского в кабардинские дела // Кабардино-русские отношения в XVI–XVIII вв. – Т. 2. – М., 1957. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://cerkesarastirmalari.org/kabardino-russkie-otnosheniya-v-xvi-xviii-vv-to-2/> (дата обращения: 11.12.2018).
28. 1760 г. мая 30-го. Запись сообщения старшины Гребенского войска А. Мокеева кизлярскому коменданту И. Л. Фрауендорфу об отказе кабардинцев перейти в Крымское подданство // Кабардино-русские отношения в XVI–XVIII вв. – Т. 2. – М., 1957. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://cerkesarastirmalari.org/kabardino-russkie-otnosheniya-v-xvi-xviii-vv-to-2/> (Дата обращения: 11.12.2018).
29. 1761 г. января 13-го. Экстракт из реляции резидента А.М. Обрезкова из Константинополя в Коллегию иностранных дел о рекомендации Порты хану крымскому не вмешиваться в кабардинские дела // Кабардино-русские отношения в XVI–XVIII вв. – Т. 2. – М., 1957. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://cerkesarastirmalari.org/kabardino-russkie-otnosheniya-v-xvi-xviii-vv-to-2/> (дата обращения: 11.12.2018).
30. 1763 г. мая 19-го. Из указа Коллегии иностранных дел премьер-майору Никифорову при назначении его консулом в Крым о политике крымского хана в отношении кабардинского народа // Кабардино-русские отношения в XVI–XVIII вв. – Т. 2. – М., 1957. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://cerkesarastirmalari.org/kabardino-russkie-otnosheniya-v-xvi-xviii-vv-to-2/> (дата обращения: 11.12.2018).

ri.org/kabardino-russkie-otnosheniya-v-xvi-xviii-vv-to-2 (дата обращения: 11.12.2018).

31. 1769 г. марта 27. Указ Коллегии иностранных дел кизлярскому коменданту Н.А. Потапову с выражением неудовольствия его недостаточными усилиями в деле привлечения кабардинских владельцев на сторону России // Кабардино-русские отношения в XVI–XVIII вв. – Т. 2. – М., 1957. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://cerkesarastirmalari.org/kabardino-russkie-otnosheniya-v-xvi-xviii-vv-to-2/> (дата обращения: 11.12.2018).

32. 1770 г. ранее октября 15. Представление капитана М. Гастотти в Коллегию иностранных дел о поведении кабардинских феодалов в период русско-турецкой войны с изложением его мнения о той политике, которую следует проводить царскому правительству в Кабарде // Кабардино-русские отношения в XVI–XVIII вв. – Т. 2. – М., 1957. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://cerkesarastirmalari.org/kabardino-russkie-otnosheniya-v-xvi-xviii-vv-to-2/> (дата обращения: 11.12.2018).

33. 1771 г. августа 9. – Грамота императрицы Екатерины II кабардинским владельцам, утверждающая их право на возвращение беглых крестьян и отказывающая им в срытии Моздока //

Кабардино-русские отношения в XVI–XVIII вв. – Т. 2. – М., 1957. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://cerkesarastirmalari.org/kabardino-russkie-otnosheniya-v-xvi-xviii-vv-to-2/> (дата обращения: 11.12.2018).

34. Кючук-Кайнарджийский мирный договор 1774. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://turkey-info.ru/forum/stati145/tekst-kyuchuk-kaynardjiyskogo-mirnogo-dogovora-t3008252.html> (дата обращения: 11.12.2018).

35. В исторических источниках упоминается, что многие крымские ханы, были воспитаны в Черкесии, либо имели родственников по линии матери или жены (в XVIII веке общее количество крымских ханов составляло 20 человек, у которых матери и жены в основном были представительницами родов черкесской знати, соответственно младых Гиреев, по традициям отплавляли аталыкам (воспитателям) черкесам), таким образом, черкизация рода Гиреев проходила через систему аталычества и браков с представительницами черкесского княжества; ногайские мурзы временами открыто выражали Гиреям своё недовольство – «всем у вас ведают здесь черкесы, а нам не с руки».

ОРГАНИЗАЦИОННО-ПРАВОВАЯ ФОРМА ГОСУДАРСТВЕННЫХ И МУНИЦИПАЛЬНЫХ УНИТАРНЫХ ПРЕДПРИЯТИЙ

Багов А.М.

к.ф.-м.н., начальник отдела наукометрического анализа КБГУ

В статье рассматриваются проблемные аспекты организационно-правовой формы государственных и муниципальных предприятий; акцентируется, что институт юридического лица в действующем законодательстве значительно расширяет границы своего воздействия на гражданские правоотношения; выявляется, что в новых экономических условиях унитарные предприятия как коммерческие юридические лица участвуют в гражданском обороте.

Ключевые слова: юридические лица, государственные и муниципальные унитарные предприятия.

ORGANIZATIONAL AND LEGAL FORM OF STATE AND MUNICIPAL UNITARY ENTERPRISES

Bagov A.M.

*Candidate of physico-mathematical Sciences, head of Department scientometric analysis
of the Kabardino-Balkarian state University*

The article deals with the problematic aspects of the legal form of state and municipal enterprises. It is emphasized that the institution of a legal entity in the current legislation significantly expands the boundaries of its impact on civil legal relations. It is revealed that in the new economic conditions unitary enterprises as commercial legal entities participate in civil turnover.

Keywords: legal entities, state and municipal unitary enterprises.

Рыночная экономика предполагает функционирование предприятий различных видов, которые дифференцируются согласно Гражданскому кодексу РФ по организационно-правовой форме, по форме собственности на средства производства, по целям деятельности, по принадлежности капитала, по способу формирования уставного фонда, по степени соподчиненности, по числу работников и размеру выручки [1].

При создании предприятия устанавливается его организационно-правовая форма, выбор которой предопределяется формой собственности на средства производства, целями деятельности, степенью ответственности по обязательствам предприятия и порядком формирования уставного фонда.

Государственное унитарное предприятие осуществляет хозяйственную деятельность с целью получения прибыли, которая поступает в бюджет Российской Федерации, или субъекта Российской Федерации как собственника имущества предприятия.

Муниципальное унитарное предприятие осуществляет хозяйственную деятельность с целью получения прибыли, которая поступает в бюджет муниципального образования (сельского, городского поселения) как собственника имущества предприятия.

Необходимость теоретического исследования правового положения государственных унитарных предприятий обусловлена тем, что государственная политика в отношении унитарных предприятий, занимающих прочные позиции в экономической структуре государства и обеспечивающих его потребности в наиболее значимой продукции, имеющей стратегический и национальный характер, неоднозначна. Вполне понятно, что на нерентабельных производствах, продукция которой продается по низким ценам, а также на предприятиях оборонного комплекса получение прибыли невозможно, и понятно, что данная проблема не может рассматриваться как главная цель их деятельности. Следовательно, не прибыль становится главной целью унитарных

предприятий, а иные цели социально-политического порядка.

Если обратиться к истокам, опираясь на исторические факты, деятельность государственных предприятий в России насчитывает около четырехсот лет. Государственные предприятия создавались на основе различных производственных мануфактур, которые в большинстве своем принадлежали государству. Как правило, они организовывались для обслуживания государственных нужд, прежде всего для производства оружия для армии и флота [2].

В России, начиная с 1991 г., при определении степени участия государства в хозяйственной жизни акценты постоянно менялись: от попыток полного разгосударствления экономики до усиления роли госсобственности [3].

Основная задача первого этапа рыночных реформ (начало 90-х гг.) – ускоренное формирование частного сектора – предопределила ликвидационный подход в отношении ГУП через их приватизацию. При этом сколько-нибудь содержательная политика в отношении управления госпредприятиями отсутствовала. Попытки повысить эффективность управления унитарными предприятиями носили эпизодический характер [4].

В настоящее время в соответствии с действующим законодательством, право оперативного управления является гражданско-правовой конструкцией, созданной исключительно отечественным правопорядком [5].

Важным этапом в развитии правового регулирования сектора государственных и муниципальных предприятий стало принятие в 1994 году первой части ГК РФ [6].

С принятием в 1999 г. Концепции управления государственным имуществом и приватизации в Российской Федерации [7] произошла определенная «смена вех» в содержании имущественной политики государства, в том числе в отношении унитарных предприятий. Так, наряду с ориентацией на постепенное сокращение их количества была предусмотрена реализация комплекса мер по улучшению управления ими.

Основным нормативным актом, регулирующим приватизацию, являлся Федеральный закон от 21.12.2001 № 178-ФЗ «О приватизации государственного и муниципального имущества» [8].

В ГК РФ [9] существенным изменениям подверглась глава IV о юридических лицах. Среди типов юридических лиц выделяют корпоративные и унитарные. Организационно-правовая форма унитарного предприятия является в современных условиях основой участия в граж-

данских правоотношениях публично-правовых образований: Российской Федерации, субъектов Российской Федерации, муниципальных образований [10].

Рассмотрим особенности правового статуса унитарных предприятий как коммерческих организаций. Унитарным предприятием признается коммерческая организация, не наделенная правом собственности на закрепленное за ней собственником имущество. Имущество унитарного предприятия является неделимым и не может быть распределено по вкладам (долям, паям), в т.ч. между работниками предприятия.

Основные положения об унитарном предприятии установлены ст. 113 ГК РФ. Унитарные предприятия действуют на основании норм ГК РФ и специального законодательства, в частности Федерального закона от 14.11.2002 г. № 161-ФЗ «О государственных и муниципальных предприятиях» [11].

Учредительным документом унитарного предприятия является устав, утверждаемый уполномоченным государственным органом или органом местного самоуправления, если иное не предусмотрено законом.

В форме унитарного создаются только государственные и муниципальные предприятия. Они являются субъектами другого вещного права (ст.216 ГК РФ), обладают специальной правоспособностью. Унитарное предприятие отвечает по своим обязательствам всем принадлежащим ему имуществом, но не несет ответственность по обязательствам собственника имущества.

По характеру прав и объему полномочий ГК РФ и специальный закон предусматривают два вида коммерческих унитарных предприятий:

- предприятие, основанное на праве хозяйственного ведения;
- предприятие, основанное на праве оперативного управления.

Общие положения, предусмотренные ст. 113 и ст. 114 ГК РФ о создании унитарного предприятия, его уставном фонде, распространяются на оба эти предприятия. Унитарное предприятие создается на основе публичной собственности. Минимальный размер уставного фонда унитарного предприятия устанавливается законом о государственных и муниципальных предприятиях. Если по окончании финансового года стоимость чистых активов унитарного предприятия окажется меньше размера уставного фонда, орган, уполномоченный создавать такие предприятия, обязан произвести в установленном порядке умень-

шение уставного фонда. Если стоимость чистых активов становится меньше размера, определенного законом, унитарное предприятие может быть ликвидировано по решению суда. В случае принятия решения об уменьшении уставного фонда унитарное предприятие обязано уведомить об этом в письменной форме своих кредиторов, которые вправе потребовать прекращения или досрочного исполнения обязательств.

Глава 19 ГК РФ предусматривает правовые нормы, регулирующие особенности прав собственника в отношении имущества унитарных предприятий на праве хозяйственного ведения и оперативного управления, а также правомочия самих предприятий. Унитарное государственное или муниципальное предприятие пользуется, распоряжается имуществом в пределах, определяемых в соответствии с ГК РФ. Собственник имущества, находящегося в хозяйственном ведении, решает вопросы создания предприятия, определяет предмет, цель деятельности, вопросы реорганизации и ликвидации, назначает руководителя, осуществляет контроль за использованием по назначению и сохранностью принадлежащего предприятию имущества. Так как предприятие является коммерческим, собственник имеет право на получение части прибыли от использования имущества [12].

Без согласия собственника унитарное государственное и муниципальное предприятие, созданное на праве хозяйственного ведения, не вправе продавать, сдавать в аренду, отдавать в залог, вносить в качестве вклада в уставной (складочный) капитал хозяйственных обществ или товариществ, иным способом распоряжаться недвижимым имуществом.

Остальным имуществом оно распоряжается самостоятельно, если иное не установлено законом. Унитарное государственное или муниципальное предприятие на праве оперативного управления (казенное), по сравнению с субъектом права хозяйственного ведения, имеет меньше правомочий.

Казенное предприятие владеет, пользуется имуществом, закрепленным за ним на праве оперативного управления в пределах, установленных законом, в соответствии с целями своей деятельности, назначением этого имущества, если иное не установлено законом, распоряжается имуществом только с согласия собственника. Собственник имущества вправе изъять излишнее, не используемое или используемое не по назначению имущество, закрепленное за казенным пред-

приятием, либо приобретенное за счет средств, выделенных ему собственником [12].

Казенное предприятие – коммерческая организация. Оно самостоятельно реализует производимую им продукцию, если иное не установлено законом, иными правовыми актами или решением собственника. Плоды, продукция, доходы от использования имущества субъектами права хозяйственного ведения или права оперативного управления, а также приобретенное имущество поступают в хозяйственное ведение или оперативное управление, т.е. не становятся собственностью этих предприятий.

Собственник имущества казенного предприятия несет субсидиарную ответственность по обязательствам такого предприятия при недостаточности его имущества (п. 6 ст. 113 ГК РФ). Унитарное предприятие на праве оперативного управления (казенное) в фирменном наименовании должно содержать указание на то, что оно является казенным. Казенное предприятие не может быть признано банкротом.

В Концепции развития гражданского законодательства [13] организационно-правовая форма унитарного предприятия рассматривается как следствие сохранения в гражданском праве России институтов советского гражданского права, основанного на плановой экономике. Очевидным является бесперспективность этой формы. На наш взгляд, целесообразно сохранить унитарные предприятия в форме казенных, причем только федеральные, в наиболее важных для государства, общества сферах.

Представляется целесообразным изложить суждения относительно понятия унитарного юридического лица (ст. 65.1 ГК РФ).

По мнению автора, по сравнению с определением корпоративного юридического лица, признаки унитарного «скудно» отражают его юридическую природу. В отношении такого вывода следует присоединиться к точке зрения, отраженной в ряде научных публикаций [14]. Настолько большое внимание уделено в ГК РФ корпоративным организациям, что само юридическое лицо ассоциируется только с корпоративными организациями. Но ведь в хозяйственном обороте значительное место принадлежит и унитарным предприятиям, которые являются коммерческими. Их правовой статус, перспективы законодательного регулирования необходимо более четко и корректно регламентировать.

Таким образом, институт юридического лица в новой редакции главы 4 ГК РФ значи-

тельно расширяет границы своего воздействия на гражданские правоотношения. В новых экономических условиях унитарные предприятия как коммерческие юридические лица участвуют в гражданском обороте. Являясь субъектами другого (ограниченного) вещного права, они обеспечивают развитие экономики страны. Законодательное определение правового статуса субъектов права хозяйственного ведения, права оперативного управления целесообразно определять из реальной потребности государства.

Примечания

1. Иванчик В.В. Особенности гражданско-правового регулирования унитарных организаций по законодательству Российской Федерации // Актуальные проблемы развития гражданского права и гражданского процесса Материалы Всероссийской научно-практической конференции, посвященной 40-летию университета. – 2017. – С. 427–429.
2. Орлов Е.В. Унитарные предприятия: история, основы деятельности, перспективы // Известия Тульского государственного университета. Экономические и юридические науки. – 2014. – № 5-1. – С. 74–84.
3. Суханов Е.А. О Концепции развития законодательства о юридических лицах // Журнал российского права. – 2010. – № 1. – С. 39.
4. Там же.
5. Щенникова Л.В. Вещное право: учебное пособие. – Пермь: Пермский университет, 2011. – С. 134.
6. Савицкий К. Тенденции и пути развития унитарных предприятий // Вопросы экономики. – 2014. – № 9. – С. 53–63.
7. О Концепции управления государственным имуществом и приватизации в Российской Федерации: постановление Правительства Российской Федерации от 9 сент. 1999 г. № 1024.
8. Федеральный закон от 21.12.2001 № 178-ФЗ (ред. от 24.11.2014) «О приватизации государственного и муниципального имущества» // СПС «КонсультантПлюс».
9. Гражданский кодекс Российской Федерации (часть первая) от 30.11.1994 № 51-ФЗ (ред. от 01.10.2018) // СЗ РФ. 1994. №32. Ст. 3301. СПС «КонсультантПлюс».
10. Калачева Т.Л. Государственные и муниципальные унитарные предприятия // Актуальные вопросы юридической науки и практики: сборник научных трудов 2-й Международной научно-практической конференции. – 2018. – С. 100–104.
11. О государственных и муниципальных унитарных предприятиях: федеральный закон от 14.11.2002 г. № 161-ФЗ (ред. от 29.07.2017г.) // Собрание законодательства. – 2002. – № 48. – Ст. 4746.
12. Калачева Т.Л. Государственные и муниципальные унитарные предприятия // Актуальные вопросы юридической науки и практики: сборник научных трудов 2-й Международной научно-практической конференции. – 2018. – С. 100–104.
13. Андреев В.К. Корпорация как самостоятельный субъект права // Гражданское право. – 2015. – № 1. – С. 7.
14. Концепция развития гражданского законодательства Российской Федерации // Вестник ВАС РФ. – 2009. – № 11.

ТРИБУНА МОЛОДОГО УЧЕНОГО

УДК 340

СОВРЕМЕННЫЕ ПРОБЛЕМЫ МЕТОДОЛОГИИ ИССЛЕДОВАНИЯ ФУНКЦИЙ ГОСУДАРСТВА

Алокова М.Х.

*аспирант кафедры теории и истории государства
и права института права, экономики и финансов КБГУ*

В работе предпринимается попытка теоретического анализа методологических проблем исследования функций государства; сопоставляются формально-логический, системно-структурный и функциональные подходы; выявляется их взаимосвязь и взаимообусловленность

Ключевые слова: функции государства, формально-логический метод, системно-структурный метод, функциональный метод

METHODOLOGICAL APPROACHES TO THE STUDY OF STATE FUNCTIONS

Alakova M.H.

*Post-graduate student of the Department of theory and history
of State and Law Institute of Law, Economics and Finance*

The paper attempts to analyze the theoretical methodological problems of the study of the functions of the state. Formal-logical, system-structural and functional approaches are compared, their interrelation and interdependence are revealed.

Keywords: functions of the state, formal-logical method, system-structural method, functional method.

Анализ функций современного государства остается одним из актуальных научных направлений, поскольку современные правовые реалии требуют своевременного и адекватного реагирования вызовам существующего, динамично развивающегося мира. От того, насколько четко сформулированы и наполнены содержанием функции современного государства, насколько детально проработан механизм реализации данных функций, зависит целостность страны и благополучие граждан. В этом отношении мнения исследователей о значимости понимания и определения функций государства едины.

Д.В. Пожарский отмечает, что перспектива развития российского общества обуславливает

необходимость фундаментального анализа функций государства. Современное человечество находится в эпоху неопределенности и нестабильности. Функции государства, играя особую социальную роль в условиях происходящих глобальных процессов, приобретают судьбоносное значение для российского общества [1].

Горбатовская Е.С. отмечает, что теоретическое осмысление проблемы функций государства имеет важнейшее значение для совершенствования механизма их реализации, а следовательно, для повышения эффективности государственной политики [2]. Туманов С.Н. определяет, что реализация комплекса функций в особо сложных геополитических и внешнеэкономических усло-

виях делает постановку и решение вопросов об эффективности деятельности государства в указанных направлениях чрезвычайно актуальными [3].

Вместе с тем, несмотря на столь пристальное внимание к рассматриваемой проблематике, в теоретических исследованиях до настоящего времени не выработана единая методология к комплексному исследованию функций государства. В результате данной погрешности многие функции государства, по мнению ряда исследователей, до настоящего времени не изучены.

В то же время следует отметить, что методология исследования функций государства постоянно изменялась и находилась в прямой зависимости от политико-правового устройства государства. Например, в советский период отдельно рассматривались функции эксплуататорских государств и социалистических государств. Н.Н. Кирилов определяет, что двумя основными функциями, присущими эксплуататорскому государству, являются внутренняя (главная), при реализации которой господствующий класс подавляет эксплуатируемое большинство, и внешняя (неглавная), реализуя которую господствующий класс расширяет территорию своего государства за счет территории других государств или организует защиту территории своего государства от нападения со стороны других государств (что полностью определяет характер деятельности государств эксплуататорского типа) [4]. Аналогичными тезисами и соответствующей методологией исследования функций государства наполнены работы многих исследователей советского периода [5–7].

В современных исследованиях не акцентируется внимание на разность функций государств, а наибольший интерес вызывает актуальная проблематика недоисследованности ряда функций государства. Например, А.В. Козлов полагает, что государственная деятельность по предупреждению и ликвидации чрезвычайных ситуаций, являясь одной из самостоятельных и основных в ряду других государственных функций, не подвергалась теоретическому исследованию и осмыслению [8]; Р.Х. Гиззатуллин обосновывает, что экологическая функция обладает огромным, но во многом не реализованным потенциалом для оптимизации взаимодействия общества и природы в целях достижения обусловленной общественными экологическими интересами цели деятельности государства в экологической сфере – сохранение и восстановление благоприятного состояния окружающей среды [9] и др.

Анализ правовых исследований позволяет прийти к выводу, что многие функции государства в настоящее время дублируются, и указание на их «неисследованность» – это неясность в методологических подходах, поскольку функции государства являются фундаментальными и стабильными, несмотря на модернизирующиеся общественные отношения.

Вместе с тем изучение методологических основ исследования функций государства демонстрирует отсутствие единства и наличие многоаспектного подхода к пониманию функций государства. В связи с этим Туманов С.Н. обращает внимание на «некое условное противостояние двух методологических подходов к раскрытию понятия и сущности функций государства – формально-логического и системно-структурного» [10].

Для обоснования раскроем природу формально-логического подхода. Посредством формально-логического подхода формулируются понятия, выявляются абстрактные свойства правовых явлений. Он основан на понятиях, категориях, правилах и законах формальной логики. Например, Загайнов Л.И. акцентирует, что для исследования функций государства важен вопрос об их составе, объективном критерии отграничения друг от друга и наиболее целесообразной классификации.

С помощью формально-логического метода автор предпринимает попытку анализа содержания каждой функции и приходит к выводу о том, что содержанием каждой функции является воздействие государства на соответствующую группу однородных общественных отношений. Сами же общественные отношения в процессе функционирования государства выступают в качестве объекта государственного воздействия [11]. Полагаем, что подобный методологический подход не позволит в полном объеме раскрыть содержание функций государства.

В этой связи следует отметить, что недостатком формально-логического метода в процессе познания функций государства является то, что полученные на его основе знания ведут к формированию догмы. Также недостатками формально-логического подхода являются его пределы познания. Логически обоснованная категория «функция государства» отражает правовую реальность лишь в самой общей форме, рассматривая ее отдельные несвязанные фрагменты, что является только началом теоретического освоения государственно-правовой действительности.

Полагаем, что методологические подходы при исследовании функций государства напрямую зависят от господствующего типа правопо-

нимания. Преобладание формально-логического метода анализа функций государства с господствующим легистским типом правового понимания отмечается во многих исследованиях советского периода. Вместе с тем в различных исследованиях нередко обращалось внимание на дефекты формально-логического исследования функций государства, указывалось на отсутствие сущностного подхода. Например, по мнению Н.Н. Кириллова, «учения» о функциях государства, принадлежащие дореволюционным авторам Ф.Ф. Кокошкину, Н.М. Коркунову, Г. Еллинеку, являются несостоятельными, поскольку они рассматривали функции государства только как определенные формально-логические категории из «абсолютно справедливых» целей государства и не вскрывали классовой сущности функций государства [12].

В современных исследованиях все чаще стали прослеживаться тенденции к системно-структурному методу познания функций государства, выражающемуся во взаимосвязи и взаимообусловленности функций государства. Поскольку государство является сложным системным явлением, системный метод открывает большие возможности для изучения системообразующих структурных элементов государства и права, для предотвращения противоречий в правовой и государственной системах. Системно-структурный анализ ставит целью выявление функциональных связей между элементами (в данном случае функции государства должны рассматриваться как элементы государственной системы), установление факторов, обеспечивающих единство системы.

На основе системного подхода функцию государства определяют как относительно самостоятельную подсистему целенаправленной деятельности государства в обособленной сфере общественных отношений, проводимой с использованием специфического набора методов и способов государственно-правового и организационного воздействия. Отдельно взятая функция государства выступает обособленной и относительно самостоятельной подсистемой более широкой системы – единой системы функций государства, а та, в свою очередь, входит в еще более широкую систему – выступает в качестве составной части механизма реализации функций государства как системы более высокого уровня сложности [13].

Данный подход нередко реализуется в современных правовых исследованиях, в которых авторы используют системно-структурный метод по-

знания. Например, С.А. Балаев указывает, что методологическая установка исследований функции налогообложения заключается в том, что данная функция имеет наиболее разветвленную сеть связей с иными функциями государства в силу своего обеспечительного характера, а также возрастающего с каждым годом регулирующего направления воздействия в области экономики, экологии, социальной защиты населения, развития науки и культуры» [14]. Пожарский Д.В. полагает, что системная методология в полной мере может быть применима к функциям государства.

Особую актуальность вопросы системности функций государства приобретают в современных условиях, характеризующихся усложнением и противоречивостью социальных связей, изменением социально-регулятивной роли государства [15]. В некоторых исследованиях предпринимается попытка рассмотрения некоторых функций в системе функций государства. Например, Гизатуллин Р.Х., рассматривая экологическую функцию государства в системе функций государства, проводит анализ факторов, обусловивших выделение экологической функции в качестве одной из основных и самостоятельных функций государства [16].

В свою очередь, системный метод не является универсальным. В этой связи разделяем мнение, что при исследовании функций государства не следует ограничиваться лишь процессом простого и бесконечного уточнения родовидового определения, а также классификации основных направлений деятельности государства. По мнению некоторых авторов, считается оптимальным совместное использование методологических инструментов. Безусловно, совместный подход приведет к определенным познавательным трудностям.

Вместе с тем отсутствие единой теоретико-методологической концепции познания функций государства в российской юридической науке, как следствие, влечет за собой различное терминологическое содержание, указание на разное количество функций, целевые установки каждой конкретной функции и на их неисследованность. Для предотвращения подобных разночтений при исследовании функций государства необходимо использование единого комплексного методологического подхода, в котором в основе познания правовых явлений лежит формально-логический метод, дополненный сущностным содержанием, с указанием на системно-структурные и функциональные связи.

Примечания

1. Пожарский Д.В. Охранительная функция государства (теоретико-методологические проблемы): автореф. дисс. ... д-ра юрид. наук. – М., 2015. – С. 5.
2. Горбатовская Е.С. Культурно-воспитательная функция современного российского государства: автореф. дисс. ... канд. юрид. наук. – М., 2017. – С. 4.
3. Туманов С.Н. Механизм реализации внешних функций Российского государства (вопросы теории и практики): автореф. дисс. ... д-ра юрид. наук. Саратов, 2018. – С. 3.
4. Кириллов Н.Н. Функции советского государства: автореф. дисс. ... канд. юрид. наук. – М., 1950. – С. 3.
5. Мезенцев В.В. Роль советского права в осуществлении функций Советского государства в период Великой Отечественной войны: автореф. дисс. ... канд. юрид. наук. – М., 1952. – 16 с.
6. Шорина Е.В. Функция советского государства по охране социалистической собственности от воров и расхитителей народного добра: автореф. дисс. ... канд. юрид. наук. – М., 1952. – 16 с.
7. Аулинг Р. Ю. Основные функции социалистического государства: по материалам Эстонской Советской Социалистической Республики: автореф. дисс. ... канд. юрид. наук. – Л., 1953. – 21 с.
8. Козлов А.В. Функция российского государства по предупреждению и ликвидации чрезвычайных ситуаций: вопросы теории и практики: автореф. дисс. ... канд. юрид. наук. – Волгоград, 2011. – С. 7.
9. Гиззатуллин Р.Х. Экологическая функция государства: теория и практика реализации: автореф. дисс. ... д-ра юрид. наук. – М., 2014. – С. 6.
10. Туманов С.Н. Механизм реализации внешних функций российского государства (вопросы теории и практики): автореф. дисс. ... д-ра юрид. наук. Саратов, 2018. – С. 31.
11. Загайнов Л.И. О роли экономических функций советского государства в создании материально-технической базы коммунизма: автореф. дисс. ... канд. юрид. наук. – М., 1966. – С. 5.
12. Кириллов Н.Н. Функции советского государства: автореф. дисс. ... канд. юрид. наук. – М., 1950. – 11 с.
13. Туманов С.Н. Механизм реализации внешних функций российского государства (вопросы теории и практики): автореф. дисс. ... д-ра юрид. наук. Саратов, 2018. – С. 31.
14. Балаев С.А. Механизм реализации функции налогообложения современного российского государства (общетеоретический аспект): автореф. дисс. ... канд. юрид. наук. – Саратов, 2016. – С. 9.
15. Пожарский Д.В. Охранительная функция государства (теоретико-методологические проблемы): автореф. дисс. ... д-ра юрид. наук. – М., 2015. С. 5.
16. Гиззатуллин Р.Х. Экологическая функция государства: теория и практика реализации: автореф. дисс. ... д-ра юрид. наук. – М., 2014. – С. 25.

СОБЫТИЯ И МЕРОПРИЯТИЯ

ОТЧЕТ О ВСЕРОССИЙСКОМ КРУГЛОМ СТОЛЕ, ПОСВЯЩЕННОМ ПРОБЛЕМЕ КРЫМА В ИСТОРИИ ГОСУДАРСТВА И ПРАВА РОССИИ (К 235-ЛЕТИЮ ПРИСОЕДИНЕНИЯ ПОЛУОСТРОВА К РОССИЙСКОЙ ИМПЕРИИ), ПРОВЕДЕННОМ В РОССИЙСКОМ ГОСУДАРСТВЕННОМ УНИВЕРСИТЕТЕ ПРАВОСУДИЯ

Казгериева Э.В.

к.ю.н., доцент кафедры теории и истории государства и права ИПЭиФ КБГУ

REPORT ON THE ALL-RUSSIAN ROUND TABLE DEDICATED TO THE PROBLEM OF THE CRIMEA IN THE HISTORY OF THE STATE AND THE RIGHTS OF RUSSIA (TO THE 235-TH ANNIVERSARY OF THE ADJUSTMENT OF THE PENINSULA TO THE RUSSIAN EMPIRE), CONDUCTED AT THE RUSSIAN STATE UNIVERSITY OF JUSTICE

Kazgerieva E.V.

Candidate of Law, Associate Professor of the Department of Theory and History of State and Law IPEiF KBSU

29 ноября 2018 года в Российском государственном университете правосудия состоялся Всероссийский круглый стол, посвященный проблеме Крыма в истории государства и права России (к 235-летию присоединения полуострова к Российской империи).

В рамках мероприятия были представлены доклады ведущих специалистов в области как теории, так и истории государства и права.

В ходе работы научной конференции предлагалось рассмотреть следующие вопросы:

- истоки становления государственности у народов Крыма в эпоху Древнего мира;
- средневековый период Крыма: на перекрестке интересов;
- становление Древнерусского государства и Крым;
- Золотая Орда – Крымская ханство – Московская Русь;
- Крымский полуостров в составе Российской империи;
- Крым и советская государственность;
- Крым в составе Украины в постсоветский период;
- Конституционно-правовой статус Крыма в Российской Федерации;
- судебная система Крыма.

Профессором кафедры сравнительной политологии ФГБОУВО «Московский государственный университет им. М.В. Ломоносова», доктором политических наук, профессором **Капицей Владимиром Михайловичем** представлен доклад о протогосударственных тенденциях в истории Крыма.

Доцентом кафедры теории права, государства и судебной власти ФГБОУ «Российский государственный университет правосудия», кандидатом юридических наук, доцентом **Згоржельской Светланой Сергеевной** раскрыты проблемы цивилизационного выбора XV в. Мангупского княжества.

Доцентом кафедры теории и истории права и государства Крымского филиала ФГБОУВО «Российский государственный университет правосудия», заслуженным работником образования республики Крым, кандидатом исторических наук **Хутько Татьяной Владиславовной** проанализированы проблемы создания судебных органов в Таврической области после присоединения Крыма к России (1783–1796 гг.).

Доцентом кафедры теории и истории права и государства Крымского филиала ФГБОУВО «Российский государственный университет правосудия», заслуженным работником образования республики Крым, кандидатом исторических

наук **Тур Виктором Григорьевичем** охарактеризована этно-конфессиональная политика России в Крыму (конец XVIII–начало XIX вв.).

Доцент кафедры теории и истории права и государства Крымского филиала ФГБОУВО «Российский университет правосудия», кандидат исторических наук **Киян Марина Шарифовна**. Доцент охарактеризовала специфические особенности судебной системы Таврической губернии по реформе 1864 г.

Директор АНО «Институт федерализма и гражданского общества», депутат государственной думы Федерального собрания Российской Федерации I и II созывов, доктор политических наук, кандидат исторических наук, доцент **Аринин Александр Николаевич** раскрыл политические аспекты правового статуса Крыма в 1954–2014 гг. и результаты его воссоединения с Российской Федерацией.

Профессором кафедры публичного права и правового обеспечения управления ФГБОУВО «Государственный университет управления», кандидатом юридических наук, профессором **Некрасовым Сергеем Ивановичем** исследованы

некоторые проблемные вопросы интеграции новых субъектов в федеративное пространство России.

Доцентом кафедры теории и истории государства и права института права, экономики и финансов Кабардино-Балкарского государственного университета им. Х.М. Бербекова **Казгериевой Э.В.** представлен доклад о политико-правовых взаимоотношениях России с крымскими ханами Гиреями (XVIII–XIX вв.).

В ходе работы круглого стола рассматривались многие другие вопросы: о специфике и значимости соблюдения принципов международного права как неоспоримой ценности мировой цивилизации; о конституционно-правовом статусе новых субъектов (Крым и Севастополь); об осуществлении уголовной юрисдикции Российской Федерации на территории новых субъектов; о наделении органов местного самоуправления муниципальных образований отдельными государственными полномочиями; об особенностях административно-территориального деления и правового статуса местного самоуправления в Севастополе и др.

**Требования к научным статьям, представляемым для опубликования в журнале
«Вестник Кабардино-Балкарского государственного университета. Серия: право, экономика»**

Почтовый адрес: ул. Чернышевского, 173,
Нальчик, Кабардино-Балкарская Республика

E-mail: vestnik_kbgu@mail.ru.

Сайт: <http://ipeif.ru>.

1. К опубликованию принимаются рукописи статей, соответствующие тематике журнала.

2. Рукопись статьи должна содержать:

– универсальный десятичный код (УДК) (см.: <http://teacode.com/online/udc/>);

– сведения об авторе на русском и английском языках (ФИО полностью, ученая степень, ученое звание, должность, место работы, рабочий адрес, адрес электронной почты (данные сведения будут опубликованы), контактные телефоны и домашний адрес для отправки авторского экземпляра журнала);

– заголовки на русском и английском языках;

– аннотацию на русском и английском языках;

– ключевые слова на русском и английском языках;

– список библиографических ссылок на русском и английском языках (в журнале принята затекстовая система библиографических ссылок, оформленных в соответствии с ГОСТ 7.0.5–2008, с размещением в тексте номера источника и страницы в квадратных скобках;

– использование подстрочных ссылок не допускается).

3. Статья объемом не более 12 машинописных страниц направляется в редакцию в распечатанном и электронном вариантах, которые должны быть идентичны.

4. Текст статьи печатается гарнитурой Times New Roman, размер шрифта – 14, интервал – 1,5. Поля – по 2 см с каждой стороны. Нумерация страниц обязательна.

5. Редакция оставляет за собой право осуществлять техническое редактирование (не меняющее смысла) авторского оригинала.

6. Если рукопись статьи одновременно направляется или была направлена в другое издание, либо была уже опубликована ранее, автор обязан сообщить об этом в редакцию.

7. Автор несет ответственность за точность цитат, фамилий и имен, цифровых данных, дат, наличие сведений, запрещенных к опубликованию в открытой печати. После вычитки отпечатанного текста автор на последней странице собственноручно пишет: «Рукопись вычитана, цитаты проверены (дата, подпись)».

8. При передаче в журнал рукописи статьи для опубликования презюмируется передача автором права на размещение текста статьи в сети «Интернет».

9. Редакция не взимает платы за опубликование рукописей статей.

**ВЕСТНИК
КАБАРДИНО-БАЛКАРСКОГО
ГОСУДАРСТВЕННОГО УНИВЕРСИТЕТА
ИМ. Х.М. БЕРБЕКОВА.
СЕРИЯ: ПРАВО, ЭКОНОМИКА**

Научно-практическое издание

**Основан в 2017 году
Выходит 4 раза в год**

№ 4 (8) 2018

**VESTNIK
KABARDINO-BALKARIAN STATE UNIVERSITY
NAMED AFTER H.M. BERBEKOV.
SERIES: LAW, ECONOMICS**

**Founded in 2017
Published 4 times a year**

№ 4 (8) 2018

Редактор *Л.З. Кулова*
Компьютерная верстка *Е.Л. Шериевой*
Корректор *Л.З. Кулова*

В печать 10.12.18 Формат 60x84 ¹/₈.
Дата выхода в свет 20.12.2018
Печать трафаретная. Бумага офсетная.
5,11 усл.п.л. 5,0 уч.-изд.л.
Тираж 1000 экз. Заказ № 184.
Распространяется бесплатно.